МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»
(наименование)

40.04.01 Юриспруденция

(код и наименование направлению подготовки)

Уголовное право и процесс

(направленность (профиль))

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)

на тему «Роль судебного толкования в уголовном праве»

Обучающийся

Е.С. Седова

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Научный
руководитель

д-р юрид. наук, профессор, А.М. Моисеев

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2025

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1 Историческое развитие и роль судебного толкования в уголовном праве	11
1.1 Понятие, признаки и виды судебного толкования уголовного закона	11
1.2 Эволюция взглядов на судебное толкование (дореволюционный и советский периоды).....	20
1.3 Значение судебного толкования для правоприменительной практики	27
Глава 2 Толкование уголовного закона высшими судебными инстанциями на внутреннегосударственном и международном уровнях	36
2.1 Толкование уголовного закона Конституционным судом Российской Федерации и значение его решений в правоприменении.....	36
2.2 Толкование уголовного закона Верховным Судом Российской Федерации и значение его решений в правоприменении.....	47
2.3 Толкование уголовного закона Европейским судом по правам человека.....	56
Глава 3 Проблемные аспекты судебного толкования уголовного закона и пути их преодоления	66
Заключение	70
Список используемой литературы и используемых источников.....	77

Введение

Актуальность темы диссертационного исследования обусловлена несколькими важными аспектами.

Разнообразие правоприменительной практики: В условиях постоянных изменений законодательства и разнообразия судебной практики судебное толкование становится важным инструментом для обеспечения единообразия в применении норм уголовного права. Это помогает избежать разночтений и обеспечивает предсказуемость правоприменения.

Судебное толкование играет ключевую роль в защите прав и свобод граждан. Правильное понимание норм уголовного права может предотвратить произвол со стороны правоохранительных органов и обеспечить справедливое судебное разбирательство.

Уголовное право должно адаптироваться к изменениям в социально-экономической и культурной сферах. Судебное толкование позволяет учитывать новые реалии и обстоятельства, что способствует более адекватному реагированию на вызовы времени.

Судебное толкование способствует развитию и совершенствованию уголовного законодательства. Оно может выявлять недостатки и пробелы в законах, что может стать основой для их дальнейшего улучшения.

Исследование судебного толкования помогает юристам и студентам лучше понимать сложные аспекты уголовного права, а также развивает навыки критического мышления и правового анализа.

Судебные решения, основанные на толковании норм, могут оказывать значительное влияние на общественное мнение и формирование правосознания граждан.

Таким образом, судебное толкование в уголовном праве России является важной и актуальной темой, которая требует постоянного внимания и исследования.

Это не только способствует правоприменению, но и влияет на развитие правовой системы в целом.

Отечественные кодифицированные источники, определяющие судопроизводство в отдельных отраслях российского права, уже содержат норму, которая бы позволила судам в описательно-мотивировочной части оправдательного и обвинительного приговора руководствоваться ссылками на решения высших судебных органов в целях обеспечения единства судебной практики и законности.

На этом фоне становится очевидной потребность в проведении специального исследования роли судебного толкования в уголовном праве, его понятия и видов по уголовно-правовой доктрине, проблем толкования уголовного закона судебными инстанциями на внутреннегосударственном и международном уровнях.

Полученные результаты позволят сформулировать научно-практические рекомендации по установлению места решений судебных инстанций в системе законодательных актов, а также представить предложения по совершенствованию уголовного законодательства.

Степень теоретической разработанности темы. Значительный вклад в исследование роли судебного толкования в уголовном праве, внесли ученые, занимающиеся проблемами унификации уголовного законодательства, выявлениями ошибок в законодательной деятельности, в том числе и на диссертационном уровне: О.Н. Бибик, Л.Г. Бирюкова, С.Ю. Бодров, П.В. Волосюк, Г.В. Демченко, Е.В. Жучкова, М.А. Кауфман, Б.П. Морозов, Е.В. Пирмаев, О.А. Ругина, О.А. Савельева, А.Р. Султанов, А.А. Танцерева, В.В. Фидаров, Ю.С. Черепенникова, а также другие авторы.

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в связи с толкованием правоприменителем уголовных норм.

Предмет исследования составляют нормы законодательства, научная литература, судебная практика, статистические данные, касающиеся вопросов судебного толкования.

Цель диссертационного исследования: исследовать, проанализировать, разработать предложения по совершенствованию соответствующей части уголовного законодательства и правоприменительной практики в сфере судебного толкования в уголовном праве России.

Гипотеза исследования состоит в том, что судебное толкование норм уголовного права играет ключевую роль в обеспечении правоприменительной стабильности и защиты прав человека, а также способствует адаптации законодательства к современным социальным и технологическим изменениям, если:

- устранены неопределенности в правовых нормах, что, в свою очередь, повышает предсказуемость и справедливость правоприменительной практики;
- правильное судебное толкование норм уголовного права может служить инструментом защиты прав и свобод граждан, позволяя избежать произвольных решений и обеспечивая соблюдение принципов справедливости;
- судебное толкование позволяет правовой системе гибко реагировать на изменения в обществе, включая новые технологии и социальные реалии, что делает уголовное законодательство актуальным и эффективным;
- исследованы новые тенденции и подходы в правоприменении, которые могут служить основой для дальнейших реформ в уголовном праве.
- разработаны практические рекомендации для судей и правозащитников, что повысит качество правоприменительной практики.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- определить термин и виды судебного толкования,

- исследовать и сопоставить уголовно-правовые меры, касающиеся роли судебного толкования в дореволюционный и советский периоды, а также обосновать возможности их использования в современной Российской Федерации,
- охарактеризовать значение толкования для правоприменителя,
- обозначить проблемы толкования уголовного закона высшими судебными инстанциями на внутреннегосударственном и международном уровнях,
- сформулировать проблемные аспекты судебного толкования уголовного закона, и предложить способы их решения,
- разработать рекомендации для улучшения уголовного законодательства Российской Федерации в части применения судебного толкования правоприменительными органами.

Теоретические основы диссертационного исследования составили труды ученых в области общей теории права, уголовного права, конституционного права, международного права, политологии.

Методологической основой настоящего исследования послужил всеобщий диалектический метод, позволяющий исследовать роль судебного толкования в уголовном праве в неразрывном единстве и взаимодействии уголовно-правовых норм с позитивным законодательством, а также с опорой на правоприменительную практику.

Нормативная основа диссертации представлена Конституцией Российской Федерации, действующим уголовным законодательством России, иными федеральными законами и ведомственными нормативными актами, выступающими правовой основой определения места судебного толкования в качестве источников уголовного права.

Опытно-экспериментальная база исследования представлена актами федеральных судов и судов общей юрисдикции, решениями Европейского суда по правам человека.

Научная новизна исследования заключается в глубоком и многогранном исследовании роли судебного толкования в уголовном праве России, что позволит не только выявить существующие проблемы, но и разработать предложения по их устранению.

Теоретическая значимость исследования заключается в:

- интерпретации закона, фиксируя не только существующие проблемы, но и пути их разрешения;
- выходе за рамки простого разъяснения норм, обретя характер активного вклада в развитие уголовного права;
- иллюстрации динамики судебного толкования и его взаимодействию с общественными запросами.

Практическая значимость работы состоит в том, что важность судебного толкования может служить своего рода барометром изменений в правосознании общества, полезными в правотворческой деятельности при совершенствовании уголовного и иного законодательства; в работе правоохранительных органов по применению и реализации уголовно-правовых норм.

Достоверность и обоснованность результатов исследования обеспечивались комплексным подходом, включающим тщательную методологию, анализ практики, верификацию результатов и учет актуальных изменений в правовой системе. Это позволит не только подтвердить гипотезу, но и внести значимый вклад в развитие уголовного права.

Личное участие автора в организации и проведении исследования состоит в установлении проблемных вопросов теоретического и практического характера, демонстрации профессионального опыта работы в правоохранительных органах, в разработке рекомендаций по совершенствованию уголовного законодательства касаясь темы диссертационного исследования.

Апробация и внедрение результатов работы велись в течение всего исследования. Опубликована научная статья.

Основные положения, выносимые на защиту:

- предлагается следующая дефиниция: судебное толкование - это процесс, в ходе которого суды разъясняют и уточняют нормы права, применяя их к конкретным делам, от качества которых зависит не только справедливость судебных решений, отвечающих строго определенным критериям, но и стабильность правовой системы в целом;
- предлагается авторская классификация судебного толкования по форме внешнего выражения: когнитивное, письменное, устное;
- на нормативном уровне необходимо придать судебному толкованию статус вспомогательного источника уголовного права, подвергнув изменению статью 1 УК РФ: «Статья 1. Уголовное законодательство Российской Федерации. 2. Настоящий Кодекс основывается на Конституции Российской Федерации и общепризнанных принципах и нормах международного права. Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу и прямое действие на всей территории страны. В случае противоречий между нормами настоящего Кодекса и Конституции Российской Федерации действуют положения Конституции. Нормы настоящего Кодекса, признанные неконституционными, в том числе ущемляющими закрепленные Конституцией Российской Федерации права и свободы человека и гражданина, утрачивают юридическую силу и не подлежат применению. Решения федеральных судов Российской Федерации по вопросам судебного толкования уголовно-правовых норм настоящего Кодекса по конкретным делам являются составной частью уголовного законодательства Российской Федерации. 3. Суды уголовной юрисдикции правомочны толковать административные, регламентационные и индивидуальные акты и оценивать их законность, если от этого зависит разрешение уголовного дела, представленного на их рассмотрение. 4.

Расширение или сужение действия уголовно-правовых норм через издание разъяснений, в виде решений федеральных судов Российской Федерации по вопросам судебного толкования уголовно-правовых норм настоящего Кодекса, не допускается»;

- значение судебного толкования заключается в том, что оно восполняет пробелы в праве, разъясняя определенные нормы права, понятия, термины, фактически, делая эту работу за законодателя, который не смог в законе четко раскрыть смысл;
- предлагается внести следующие изменения в законодательстве, а именно, сформулировать авторское понятие правовой позиции Конституционного Суда РФ, формируемой в рамках уголовного права. Под которой следует понимать нормативное правоположение, призванное регулировать отношения связанные с разъяснением и конкретизацией основного закона страны, которые юридически оформлены в постановлениях и определениях суда, способные устранить неясность и восполнить пробельность уголовного закона;
- предлагаем дополнить Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» пунктом 9.1:

«9.1. При квалификации действий виновного по п. «е1» ч. 2 ст. 105 УК РФ по признаку «убийство по мотиву кровной мести» исполнителем преступления надлежит считать специальный субъект преступления, а именно лицо, принадлежащее к той народности, в которой исторически сложился обычай кровной мести. При этом потерпевшим может быть только лицо, принадлежащее к той же народности, что и исполнитель преступления.

Убийство по мотиву кровной мести имеет место лишь в том случае, когда виновное лицо разделяет и признает этот обычай и в связи с этим лишает жизни потерпевшего, стремясь соблюсти его».

- в России нередко наблюдаются случаи нарушения прав человека, непрозрачности судебных процессов и политического давления на судебную систему. Кроме того, ряд политических и юридических мер, принятых в России в последние годы, направлен на ограничение доступа к международным правозащитным организациям и институтам, что делает практически невозможным защиту прав граждан в рамках Европейского суда по правам человека. Таким образом, отсутствие доступа к ЕСПЧ уменьшает возможности граждан России на защиту своих прав и делает их более уязвимыми перед возможными нарушениями.

Структура магистерской диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Историческое развитие и роль судебного толкования в уголовном праве

1.1 Понятие, признаки и виды судебного толкования уголовного закона

В толковом словаре русского языка: «толкование – это объяснение чего-нибудь, изложение точки зрения на что-нибудь» [118, с. 727].

В.Л. Кулапов, А.В. Малько: «толкование правовых норм – это интеллектуальная и волевая деятельность, направленная на понимание и разъяснение их смысла и содержания с направленной целью – правильного понимания этого содержания» [168, с. 300]. Существуют множество различных научных позиции «за» и «против» относительно вопроса обязательности актов судебного толкования в уголовном праве. Так, например, такие исследователи как О.А. Ругина, М.А. Кауфман, П.В. Волосюк, Е.В. Жучкова [151, с. 8]; [59, с. 44,46]; [30, с. 15]; [53, с. 14-15] считают, что разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, Конституционного Суда РФ, решения Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) должны считаться актами официального толкования, которые бы были принудительны к исполнению. Другие же [84, с. 108]; [26, с. 105] напротив высказывают точки зрения, исходя из которых можно усмотреть, что, включая в текст уголовного закона вышеназванные исследователями акты, законодатель, таким образом, подвергает его расширительному толкованию, можно с уверенностью сказать, что включении новой нормы даст новую «лазейку» юридически заинтересованным лицам, для того чтобы найти механизм преодоления этой же самой нормы. Однако уголовный закон приближается к реальности, только через практику судебных инстанций по каждому определенному делу, то есть каждое такое решение может, как углубить, так и ограничить восприятие правоприменителя относительно

содержания уголовно-правовой нормы, соответственно, варьируя возможности реального поведения субъекта преступления [82, с. 4].

На наш взгляд необходимо раскрыть признаки, присущие судебному толкованию. В данном диссертационном исследовании мы выделим три группы признаков, а именно: общие, индивидуальные, факультативные. Под общими признаками судебного толкования следует понимать признаки, которые присуще каждому виду судебного толкования, а именно: интеллектуально-волевая деятельность; нормативный характер; объект толкования – правоположение; результат в виде акта толкования. Индивидуальные признаки судебного толкования – это те, которые присущи определенному виду судебного толкования и без которых оно не может существовать, к ним мы относим: специальный субъект толкования – судебные органы; строгая процессуальная форма; результат толкования – решения федеральных судов. Под факультативными признаками в данной работе следует понимать признаки, которые могут быть как присущи какому-либо отдельно взятому виду, так и автономно существовать, такие как решение суда.

Таким образом, судебное толкование - это процесс, в ходе которого суды разъясняют и уточняют нормы права, применяя их к конкретным делам, от качества которых зависит не только справедливость судебных решений, отвечающих строго определенным критериям, но и стабильность правовой системы в целом.

Исходя из правоприменительной практики абсолютно каждый судебный акт содержит элементы разъяснительного процесса правовых норм. Это обуславливается тем, что реализация норм уголовного права правоприменителем проблематична без участия законодателя. В данном случае имеет место быть судебное толкование. Потребность в разъяснении норм права деятельностью судебных органов вызвана следующими факторами: некомпетентностью уполномоченных субъектов толкования в конструировании разъяснительных норм; несвоевременностью изложения

правовой позиции; расплывчатостью, пробельность. принимаемой юридической редакции; недоработкой законодателя в части формулировании главной мысли; изолированностью норм и другие [75, с. 344].

Судебная практика способствует достоверному уяснению норм права и позволяет единообразно толковать нормы уголовного закона. В свете развития судебной системы РФ представляется, что именно федеральные суды должны обеспечить единообразие в правоприменительной практике путем издания квалифицированных, содержательных актов. Только в результате грамотного разъяснительного процесса будет достигнута цель соблюдения всех конституционных принципов. Решения судов субъектов Российской Федерации имеют локальное значение, то есть лишь по конкретным делам. Это связано с тем, что в данных судах по уголовным делам выносятся решения, которые двузначно регулируют одну и ту же область уголовно-правовых отношений.

Согласно характеру действия, судебное толкование в уголовной науке делится на единичное (казуальное) и общее (нормативное). Общее толкование представляет собой разъяснение, предоставляемое специально уполномоченными субъектами, и обладает обязательным характером для правоприменителей уголовно-правовой нормы. Данное толкование, как правило, осуществляется Пленумом ВС РФ, а также Конституционным Судом РФ путем издания решений в которых содержатся правовые позиции, используемые органам предварительного следствия и суда по конкретным делам [179, с. 280-281]. Под единичным (казуальным) понимается толкование уголовно-правовой нормы, которое дается в решениях судов субъектов [179, с. 279]. Дискуссию вызывает и тот факт, считать ли толкование, осуществляемое судами субъектов обязательным для правоприменителя и самого суда при разрешении уголовного дела. Авторами данного магистерского исследования исследовано, что при наделении федеральных судов надзорной функцией по отношению к судам низших инстанций,

должна возрасти гарантия неукоснительного исполнения последними правовых позиций толкования уголовного закона.

В науке уголовного права было выработано понятие «прецедент толкования», под которым нами понимается решение федерального суда по наиболее проблемному делу, результатом которого явилась праворазъяснительная норма, обязательная для применения и исполнения каждым субъектом. Прецедент толкования как таковой, советскими учеными понимается как уяснение позиции, выработанной в ходе длительной правоприменительной практики, он (прецедент) не создает новой нормы права [28, с. 3]. Предполагается, что такая позиция способствует повышению эффективности рассмотрения уголовных дел [28, с. 3], однако данный тезис подвергается критической оценке со стороны других правоведов. Например, в своих научных исследованиях [24, с. 69-70] авторы уделяют внимание прецеденту, сложившемуся в правовой семье общего права. Они указывают, что в результате судебного прецедента новая норма не воссоздается, она лишь меняет свою сущностную характеристику, хотя по нашему мнению судебный прецедент это и есть прецедент толкования. И.Ю. Богдановская в своих научных трудах [24, с. 20, 37] рассматривала положение о том, что прецеденты толкования в зависимости от правовой семьи, где они применяются, находят разное место в системе источников. Применительно к национальной правовой системе некоторые ученые считают, что в качестве вышеупомянутых прецедентов толкования, судебных прецедентов выступают судебные акты ВС РФ. Исходя из проведенного анализа, предполагается, что так называемые прецеденты толкования по своей сущности являются тождественными понятиями дефиниции судебного прецедента. Поэтому употребление правоведами того или иного понятия не подменяет другое на практике [38, с. 37]. К примеру, А.А. Танцерева в своем исследовании адепт противоположной точки зрения, а именно: «судебный прецедент следует отличать от прецедента толкования: если судебный прецедент вырабатывается при отсутствии необходимой юридической основы для принятия решения по

делу, то прецедент толкования используется относительно уже существующего, но неясного правового предписания» [166, с. 15].

Традиционно судебное толкование уголовного закона классифицируют по следующим основаниям, которые мы объединили в группы. В первую группу входят виды судебного толкования по субъекту, осуществляющему интерпретационную деятельность, а именно федеральными и судами субъектов.

Во вторую группу входит толкование, основанное на структуре уголовного закона: общей и особенной частей.

К третьей группе относится толкование по отраслевой принадлежности: уголовного права, разъяснения в сфере уголовно-исполнительной системы и уголовного процесса. Деление по данному основанию условно, так как один акт толкования может содержать разъяснительные нормы одновременно нескольких отраслей права. К примеру, постановление по делам, связанным с незаконным оборотом наркотиков [105] включает в себя толкование как материального, так и процессуального уголовного права. Также относится исключительное толкование, которое применяется в случаях, когда необходимо уточнить или ограничить значение определенных терминов или положений закона. Оно используется, чтобы определить строгое и узкое понимание нормы, исключая возможность ее расширительного применения. Этот подход часто применяется в уголовном праве, где важно точно установить рамки действия закона, чтобы защитить права граждан и избежать произвольного толкования. Например, в решении Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ) [93] по факту ошибочного признания виновного лица одновременно и особо опасным рецидивистом. Данная ошибка была впоследствии устранена органом её допустившую, приведена в соответствии со смыслом толкования закона [28, с. 11].

Четвертая группа включает в себя следующие виды толкования в зависимости от уровня обязательности:

- официальное толкование, которое дается специально уполномоченными органами, обязательные для правоприменения (решения федеральных судов в области уголовного права);
- официозное судебное толкование, которое также дается специально уполномоченными субъектами, однако обязательны лишь для ограниченного круга субъектов (решения судов субъектов для нижестоящих или равнозначных судов);
- неофициальное судебное толкование, осуществляемое неуполномоченными на это лицами и соответственно необязательное для правоприменения (толкование юристами, правоведами, учеными и другими).

Пятая группа формируется с учетом объема предоставляемого разъяснения, а именно: адекватное, расширительное и ограничительное толкование. Под первым понимается разъяснение, данное в точном соответствии с содержанием уголовного закона. Под вторым следует понимать толкование, которое расширяет возможность применения права шире, чем установлено уголовным законодательством. И наконец, под последним мы понимаем вид толкования, при котором норму праву можно применить к более узкому кругу правоотношений, нежели допускаемо уголовным законом.

В шестой группе основанием классификации является способ толкования: логический, систематический, исторический, телеологический, специально-юридический, функциональный и другие. В своем диссертационном исследовании Б.М. Морозов [80, с. 11] указывает, что первые три способа толкования являются основными, остальные же носят дополнительный характер. По нашему мнению данная классификация носит прикладной характер, она используется лишь при теоретическом исследовании правовых явлений, поскольку правоприменителю на практике важен смысл уголовно-правовой нормы, а не ее историческая, телеологическая либо иная составляющая.

Седьмую группу составляют виды судебного толкования по форме внешнего выражения: когнитивное, письменное, устное. Под когнитивным видом судебного толкования следует понимать процесс познания относительно новых уголовно-правовых закономерностей. Например, при проведении допроса свидетеля судья разъясняет ему его права и обязанности, ответственность, в уяснении которых он должен убедиться. Под письменным судебным толкованием мы понимаем текстуальное разъяснение смысла уголовно-правовых норм, выражающиеся на бумажных либо электронных носителях, издаваемые специально уполномоченными на это субъектами. К таким актам толкования мы относим решения федеральных и иных судов, особенностью которых выступает их фиксированность на носителе и впоследствии возможность использования правоприменителем при принятии соответствующих процессуальных решений. Под устным судебным толкованием в данной магистерской работе мы понимаем процесс разъяснения уголовно-правовых норм путем произнесения их вслух. В данном случае недостатком является недостаточная юридическая формализация и отсутствие возможности использования такого разъяснения в дальнейшем. В теории уголовного права выделяют и иные классификации судебного толкования, нежели рассмотренные и предложенные в данном магистерском исследовании [121, с. 15-16].

В науке до сих пор дискуссионным остается вопрос разграничения понятий разъяснение и толкование. Ряд ученых [181, с. 58-59]; [20, с. 40] считают, что данные понятия хоть по своему значению и почти схожи, однако имеется главное отличие их друг от друга это сфера применения. Толкование, как таковое, широко раскрывает букву и дух закона, разъяснение же, наоборот, уже и используется только судом и для него. Необходимо отметить, что в английском праве термины разъяснение (*interpretation*) и толкование (*constriction*) по своему значению кардинально различаются. В своих трудах Rupert Cross, утверждает, что судебное толкование является важным инструментом для определения смысла и применения законов в конкретных

случаях уголовного преследования. Он подчеркивает, что судебное толкование позволяет учитывать изменяющиеся обстоятельства и контексты, которые могут быть учтены при применении уголовного закона [190, с. 74]. Наряду с R. Cross, аналогичной позиции придерживается Francis Bennion, подчеркивая важность четкости и последовательности судебного толкования, чтобы избежать произвола и обеспечить справедливость в уголовном правосудии. Он призывал к обсуждению и анализу решений судов, чтобы улучшить понимание и применение уголовного права [189, с. 187]. Несмотря на то, что R. Cross и F. Bennion указывают на огромную роль судебного толкования в уголовном судопроизводстве, они же делают важный вывод: «Each law, the content of which is being considered, is subject to interpretation, and interpretation is required only by unclear and ambiguous provisions of the normative act» [189, с. 1400]. P.V. Maxwell придавал большое значение принципу легальности и стремился к тому, чтобы судебное толкование было точным, объективным и независимым. Он утверждал, что только так можно обеспечить справедливое рассмотрение уголовных дел и защитить права обвиняемых [191, с. 34]. Так же, S.C. Stimson обращает внимание на то, что судебное толкование помогает судам применять закон в конкретных случаях и обеспечить справедливость при вынесении решений. Согласно ее трудам, судебное толкование позволяет разъяснить неоднозначные положения закона, разрешить спорные вопросы и установить единые стандарты и принципы правосудия [192, с. 133-136]. Как отдельный судебный принцип в англосаксонской правовой семье выступает Вуд Гордон – это понятие, которое относится к судебному толкованию в уголовном праве. Этот принцип означает, что в случае неоднозначности или противоречивости уголовного закона, суд должен толковать его в пользу обвиняемого [193, с. 160-161].

Нельзя не согласиться с М.А. Алисултановой, которая как раз-таки приверженец противоположной точки зрения, в том, что: «толкование это и есть процесс разъяснения смысла уголовного закона, уяснение содержащихся в нем уголовно-правовых норм» [3, с. 14]. Следует вывод, что Пленум

Верховного Суда РФ в своих решениях толкует именно закон. Е.В. Васьковский отмечал, что: «легальным толкованием называются формально-обязательные разъяснения смысла норм» [27, с. 32]. Смеем предположить, что в данном вопросе именно законодатель допустил грубейшую ошибку, позволив в разных законодательных актах употребить дефиниции разъяснение и толкование. Так, в соответствии с пунктом 5 статьи 125 Конституции РФ [69], подпунктом 4 пункта 1 статьи 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 21.07.1994 № 1: «Конституционный Суд Российской Федерации по запросам дает толкование Конституции» [89]. Статья 126 Конституции РФ [69], пункт 4 статьи 19 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» от 31.12.1996 № 1 предусматривают, что: «Верховный Суд Российской Федерации дает разъяснения по вопросам судебной практики» [109]. Ранее нами была исследована сущностная характеристика понятий толкование и разъяснение. Результатом данного анализа явилось утверждение о том, что не целесообразно разграничивать данные понятия. С учетом изложенного, предлагается привести к единообразию понятия, используемые в правотворческой деятельности законодателем и внести изменения в полномочия ВС РФ. Предоставив суду полномочие толковать уголовно-правовые нормы. Это связано с тем, что в настоящее время судебный корпус начал принимать решения, которые по своей правовой природе некачественны, недоступно изложены, юридически неправильно оформлены и так далее. Представляется, что если дать Суду полномочие толковать уголовный закон, то в наибольшей степени будет обеспечиваться единообразие судебной практики по уголовным дела, сократится число «никудышных» правовых норм, созданных в нарушение основных правил логики и юридической техники.

1.2 Эволюция взглядов на судебное толкование (дореволюционный и советский периоды)

В процессе становления государства всегда было необходимо регулировать постоянно возникающие и развивающиеся отношения для эффективного функционирования, как политических, так и правовых сфер жизни. Согласимся с Р.Т. Мухаевым в том, что становление российского правопонимания и политического правосознания во многом предопределено его национальным менталитетом, территориальным положением и климатическими условиями [81, с. 69]. Современное российское законодательство довольно обширно и включает в себя множество различных нормативных источников. Не стремясь охватить все акты, регулирующие и закрепляющие положения о судебном толковании уголовного права, мы сосредоточимся на изучении и анализе ключевых из них.

Также стоит отметить, что в российском законодательстве уделяется значительное внимание вопросу о роли судебного толкования в области уголовного права, его нормативной регламентации. Началу формирования исследуемой нами проблеме послужила потребность нормативного регулирования явлений общественной жизни, которые не были предусмотрены обычным правом. Те усложнения, которые невозможно было уложить в уклад обыденной жизни даже путем расширительного или свободного толкования. Относительно новые или даже измененные правоотношения приводили непосредственно к потребности их регулировать. В данном магистерском исследовании вопрос о становлении судебного толкования мы рассмотрим в следующих исторических периодах:

- Древняя Русь;
- период политической раздробленности Древнерусского государства;
- становление, расцвет и кризис Российской империи (становление самодержавного правления династии Романовых, эпоха Петра I);
- советский период;

– современность.

А.Е. Пресняков справедливо отмечает, что обычно правовая мудрость, память старожиллов не могла упорядочить все то, что мы сейчас называем прецедентом, поэтому появилась необходимость в кодифицированных актах, сводах, уставах [137, с. 439]. Таким образом, отмечается важность и необходимость судебного толкования, которым в Древней Руси выступает судебная административная практика. Практика сама по себе не имела ни юридического характера, ни самостоятельного значения, она отражалась посредством памяти ее носителя, была вспомогательным средством. Судебная практика княжеских судов отличалась неполнотой и односторонностью её трактования, бессистемностью. Компиляция правовых источников XII-XV вв., правовой анализ: Русской Правды, Судебника 1497 г., Судебника 1550 г. – позволяет нам утверждать, что наряду с этими вековыми источниками стоит также судебная практика, внутригосударственное и международное законодательство. Данные нормативные акты непосредственно не затрагивали вопросы судебного толкования материального уголовного права, однако вызывали потребность разъяснения тех или иных правовых норм. Так, Боярская Дума как высшее совещательное учреждение имевшая контроль над судебным и административным аппаратами принимала судебные решения, которые использовались и применялись впоследствии к аналогичным случаям и становились неким обязательным шаблоном для последующей практики. Все законодательные определения, принимаемые Думой Боярской, синтезировались в форме дополнительных к судебникам указов [54, с. 153]. Источником формирования всех компилированных источников права вышеупомянутых веков становилась все больше и больше практика судов, которая регулировала вопросы, затрагивающие отношения, охраняющие отдельные интересы. Впоследствии правотворчество судебной власти должно было стать отправной точкой для регулирования общественных интересов путем принятия официальных судебных актов.

В истории отечественного законодательства в царском судебнике 1550 г., а именно в статье 98 впервые определяется порядок издания и опубликования новых законов, то есть при отсутствии какого-либо прямого указания на порядок решения того или иного дела оно разрешается вышестоящей инстанцией. Это означает, что возникавшие прецеденты становились новыми законодательными нормами, непосредственным дополнением судебника. Такими дополнениями выступали различные судебные уложения, например судебное уложение, в основе которого лежит уголовное уложение, составленное около 1555 г., которым должен был руководствоваться Разбойный приказ при решении уголовных дел; Указная книга судных дел; Указная книга приказа холопьяго суда и др. Значение этих источников права как отмечают ряд ученых [58, с. 20]; [154, с. 28]; [186, с. 5], состояло в том, что они не были отдельными сборниками законов, а лишь служили руководством для осуществления той или иной деятельности. Таким образом, уставные книги-судебные уложения следует рассматривать как рекомендации для тех органов власти, которым эти дела были вверены.

Необходимо отметить, Уложение царя Алексея Михайловича 1649 г. является неким столпом нормативного регулирования типичных общественных отношений. В статье 119 упоминается: «А которые судные дела о холопех вершены по государеву указу и по боярским приговором до сего Уложенья во всех приказах, и тем делам и быти по тому, как те дела вершены, а впредь тех дел не всчинати и не переговаривати» [161, с.164-165]. Данная цитата на наш взгляд является доказательством того, что, хотя в нормативном массиве актов присутствовала судебная практика, однако законодательная форма все же преобладала. Это сохранилось и во времена Петровских преобразований, когда Правительствующий сенат стал высшим государственным органом, сосредоточивший все ветви власти в одном начале. Ряд законодательных актов [88]; [95]; [112] устанавливал лишь толкование законов, утвержденное и подписанное императором. Если будут дела, которые невозможно разрешить данным указом, то необходимо доносить об этом в

Сенат для разрешения их по существу путем издания в печати. Устанавливалось положение об ответственности в случае разрешения таких дел без изданного дополнения [169, с. XVIII-XLVII]. Таким образом, можно отметить, что законодательная практика сенатского корпуса на протяжении всего восемнадцатого века играла значительную роль в истории эволюционного развития судебного толкования. Необходимо отметить, что во время петровских преобразований судебные органы должны были руководствоваться не только своими личными убеждениями и знаниями, но и принимать во внимание практику (прецеденты) при решении и рассмотрении аналогичных случаев. Нормативное закрепление такого правотворчества продемонстрировано в своде законов российской империи [48, с. 203-205]; [156]; [157, т. 1 ч.1].

Значительную роль в развитии судебного толкования сыграло реформирование судебной системы императором Александром II. В данный период времени Правительствующий Сенат складывается как окончательное судебное и надзорное учреждение высшей инстанции, который наряду с судебными органами, практиками, государственным советом имели своей функцией толкование закона, как основного источника права. По мнению ряда историков-правоведов [31, с. 25]; [176, с. 109], именно устав 1864 года [174] закрепил существенную роль в становлении развития судебного толкования, а именно раскрывает полномочия департаментов разъяснять точный смысл законов для дальнейшего их единообразного толкования и правоприменения. Со второй половины девятнадцатого века нормативное выражение толкуемых законов и норм осуществляется путем опубликования различных сборников и указаний. Именно таким образом высший судебный орган и пытался закрепить обязательность принимаемых решений при их дальнейшем исполнении. Необходимо отметить, что, как и во времена правления Ивана Васильевича, Петра Алексеевича, так и при Александре II велось опубликование практики применения судами тех или иных положений, однако печати подвергались лишь некоторые из них. На наш взгляд это

представляется одной из ключевых проблем нереализованности и отработанности темы судебного толкования, так как отсутствие официального разъяснения лишь по ряду дел дает пробельность в правоприменении и уяснении смысла закона.

После перехода власти в руки большевиков образуется возможность для реформирования старых устоев на новые, одной их ключевых систем, подвергшихся реформированию была судебная. Основным из преобразований являлось использование толкования в уголовном судопроизводстве, попытка обобщить судебную практику [91]; [153]. Большевиками устанавливалось, что при принятии конкретного решения народный суд должен руководствоваться уже принятыми декретами, а при их отсутствии или неоднозначности, народным правосознанием. Также впервые закрепляется возможность расширительного толкования уголовного закона путем использования нового института – института аналогии. Уголовный кодекс 1922 года [86], подобно дореволюционному законодательству, стал важным этапом в развитии судебного толкования. Данный акт установил принципы действия уголовного закона, общие принципы наказания, определения мер наказания, к примеру, в статье 10 указывается на необходимость заполнения пробелов в законе, то необходимо использовать схожую (однородную) уголовно-правовую норму для разрешения дела, по существу ссылаясь на общую часть кодекса. Так, в уголовном законе 1922 года статью 184 («разбой») впервые разъясняет судебная практика в части вопроса, что же считать открытым нападением, так как закон этого не раскрывал [50, с. 27].

В середине первой половины двадцатого века в связи с созданием республиканских верховных судов устанавливается нормативное правоположение, согласно которому судам союзных республик дается право толкования по отдельным внутрисоюзным вопросам, имеющие обязательную юридическую силу. Во второй половине двадцатого века учреждается Верховный Суд СССР, который мог разъяснять и толковать положения закона при рассмотрении дел, данные руководящие начала также имели

обязательную силу. Функции Пленума СССР, как и в настоящее время, сводятся не только к обеспечению единообразного толкования закона, но и к единству существующей практики.

Одним из ключевых этапов является судебная деятельность в годы великой отечественной войны, так как в постановлениях Пленума широко использовался прецедент и институт аналогии права. Институт аналогии права как мера исключительная применялась в тех случаях, когда государство сталкивается со сложными переходными периодами, такими как война [51, с. 113-114]. Война позволила и поднять такой вопрос как применение условного осуждения (на примере досрочного освобождения от поражения в правах). Пленум ВС СССР в своих постановлениях [94] закрепил, что в условиях чрезвычайного положения, военного времени не является целесообразным лишать возможности выполнять свой воинский долг тех осужденных и пораженных в правах, которые отбыли часть наказания за общественно опасные деяния, не представляющие исключительной общественной опасности. Таким образом, пленум дает судам союзных республик возможность выносить определения о досрочном снятии такой меры ответственности [182, с. 142]. В послевоенные годы вопрос о положении практики судов в координации отношений в области уголовного законодательства и права приобрел дискуссионный характер. Ряд ученых [60, с. 193]; [182, с. 139, 144] считали целесообразным нормативно закрепить в качестве источника права судебную практику в виде института аналогии. Другие же [166, с. 9]; [175, с. 13] обосновывают позицию несостоятельности первых, тем, что это не укрепляет законность уголовно-правовых устоев, а позволяет образовываться пробелам в уголовном законе. М.А. Кауфман [59, с. 15] в своем диссертационном исследовании указывал, что запрет аналогии закона необходимо трактовать ограничительно, то есть применять аналогию можно, но только к отношениям, которые не затрагивают вопросы об установлении уголовной ответственности. В данном случае можно наблюдать, что в кодексе 1960 года [173] отсутствует уголовно-правовой институт

аналогии права. В концептуальных положениях Конституции 1977 года [68] прослеживается отказ от понятия руководящие положения, использующийся для нормативно-правовой характеристики актов судебного толкования. Однако уже в 1979 году, в который раз появляется положение о функциях и полномочиях суда республики. Обобщение, разъяснение, анализ – вот основные направления деятельности верховного суда СССР. По-прежнему все разъяснения высшего судебного органа должны быть обязательными для всех участников уголовного судопроизводства, неукоснительно исполняться ими. Со становлением нового государственного строя и распадом Советского союза, Конституция 1993 года [69] установила не новый для России принцип разделения властей. В настоящее время одной из высших судебных инстанций является Верховный Суд Российской Федерации, который выполняет одну из ключевых функций, а именно предоставляет разъяснения судам по конкретным делам, закрепляет понимание различных уголовно-правовых норм. На наш взгляд акты высших судебных инстанций являются обязательными для всех субъектов уголовного права. Рассматриваемая нами выше проблема нашла свое отражение в трудах различных юристов. К примеру, вопрос о значимости деятельности в виде судебного толкования рассматривала в своей диссертационной работе Ю.С. Черепенникова, которая предложила закрепить общеупотребительное понятие – «рекомендованные источники толкования» [183, с. 11]. Под которыми понимала интерпретационные акты, к которым могли бы обращаться правоприменители в случае столкновения с пробелами в уголовном законе при осуществлении правоохранительной деятельности последними. К таким источникам толкования относил: судебные решения ЕСПЧ, ВС РФ, КС РФ, а также решения Президиума ВС РФ. Мы полагаем что автор, источники толкования понимает не как источник права, а как рекомендацию для правоприменителя необязательную к исполнению, в виду того, что первые не содержат в себя нормативной новизны, не направлены на отмену, изменение либо установление норм права. В диссертационном исследовании О.А. Ругиной

имеется позиция о том, что решения Конституционного и Верховного Суда являются дополнительными источниками права, производными от закона [151, с. 8].

Производность обуславливается тем, что в полномочия вышеуказанных субъектов не входят элементы уголовной политики в виде пенализации и декриминализации деяний.

Наблюдается конфликт точек зрения в работах первого и последнего ученых, а именно возникает вопрос: решения федеральных судов считать дополнительными источниками права или рекомендованными источниками толкования? Источник права – это форма закрепления нормы права, источник толкования – это способ разъяснения толкуемой нормы. Однако оба исследования содержат вывод о том, что решения Конституционного Суда, Верховного Суда и др. следует закрепить на конституционном уровне путем внесения изменений в отдельные нормативно-правовые акты.

В связи с принятием действующего уголовного закона возникла необходимость в толковании уголовно-правовых норм в виду их неточности, пробельности, неясности. На помощь в решении данных проблем приходят разъяснения федеральных судов, которые необходимы для правоприменителей. Данный тезис находит свое отражение в работах многочисленных ученых [59, с. 12]; [80, с. 11]; [151, с. 8]; [155, с. 7]; [183, с.12].

1.3 Значение судебного толкования для правоприменительной практики

М.Д. Шаргородский в своих трудах указывал на то, что: «толкование права, есть объяснение уголовного закона, выяснение его смысла, определение того, в которое вкладывал в него законодатель» [187, с. 132].

Значение судебного толкования для правоприменительной практики, трудно переоценить. Судебное толкование может осуществляться, например, через разъяснения Пленума ВС РФ, через приговоры судов. Есть такие

понятия, которые уже разъяснены и успешно применяются на практике при квалификации, а есть такие, которые до сих пор не имеют определенного значения, разъяснения, терминологии, что в итоге тоже может влиять на правоприменительную практику. В пример приведем состав преступления, предусмотренный ст. 126 УК РФ [172]. Сложно понять, как будет квалифицировано действие, если потерпевший сам пришел в заранее согласованное с преступником место. Был ли обман потерпевшего, или это было злоупотребление доверием, сам ли потерпевший сел в машину. Здесь важно понимать, что такие обстоятельства могут существенно повлиять на оценку действий и намерений всех участников преступления. Отсутствие четкой границы между добровольным действием потерпевшего и манипуляциями со стороны правонарушителя создает правовые сложности, которые требуют внимательного рассмотрения в рамках судебной практики и уголовного законодательства.

Судебное толкование указывает на то, что в случае обмана потерпевшего преступление считается завершенным с момента задержания правонарушителя. Принуждение к перемещению или удержанию лица начинает действовать с того момента, как это лицо перестает перемещаться. Это имеет большое значение для квалификации преступления.

Одной из основных проблем, возникающих в процессе судебного толкования, является необходимость судебной власти не только интерпретировать законы, но и активно предупреждать и исправлять ошибки, которые могут возникнуть при их применении. Эта проблема становится особенно актуальной, так как юридические понятия, используемые на практике, напрямую связаны с описанием различных преступлений. Следовательно, это подчеркивает, что законодатель в данных обстоятельствах ориентируется не только на формальные аспекты правонарушений, но и на более глубокие, контекстуальные нюансы, определяющие специфику и сложность правоприменительной деятельности. Учитывая это,

правоприменители должны стремиться к высокому уровню понимания и анализа норм, чтобы обеспечить справедливость и правопорядок в обществе.

Проблема квалификации по статье 148 УК РФ [172] может быть достаточно сложной и многогранной. Вот несколько ключевых аспектов, которые стоит рассмотреть:

- неоднозначность формулировок, то есть текст статьи может содержать неопределенные или широкие формулировки, что затрудняет точное понимание и применение норм в конкретных ситуациях, а именно не указано, какую именно веру должен исповедовать индивид, что оставляет значительную неопределённость и может привести к различным правоприменительным сложностям;
- соотношение с другими статьями, часто действия, подпадающие под статью 148, могут также квалифицироваться по другим статьям Уголовного кодекса, что создает необходимость в четком разграничении между разными составами преступлений;
- доказательная база, то есть для квалификации преступления по этой статье необходимо собрать достаточные доказательства, подтверждающие факт нарушения свободы совести. Это может включать свидетельские показания, документы и другие материалы, что иногда бывает сложно;
- правоприменительная практика может варьироваться в зависимости от региона и конкретного суда, что создает риск несоответствия в применении закона и его интерпретации.

Все это подчеркивает необходимость более тщательной работы над законодательством с целью обеспечения ясности и определённости в вопросах, касающихся защиты религиозных прав и свобод. Отсутствие уголовно–правового определения понятия «верующий» свидетельствует о том, что в данном случае потерпевшим является только верующий. Анализ дел, переданных в суд, показывает, что следствие все еще находится на пути

определения таких понятий, как «чувство» и «достоинство», что в корне неверно. Соответственно, если бы эти понятия были разъяснены, то это бы намного упростило вопросы квалификации.

Судебное толкование, играя важную роль в практике уголовного права, влияет не только на применение норм права, но и на процесс законотворчества. В контексте уголовного права России этот процесс обретает особое значение, ведь правоприменительная практика неизменно требует адекватного реагирования законодательных актов на реалии, с которыми сталкиваются суды. Учитывая это, необходимо обратить внимание на то, как решения судов, основанные на судебном толковании, могут инициировать изменения и усовершенствования в законодательной системе.

Применение норм уголовного права в суде часто ставит перед судьями необходимость толковать неясности законоположений, что приводит к формированию правоприменительной практики. Порой решения, выносимые на основе судебного толкования, становятся образцами для других дел, создавая своего рода прецеденты. Это может служить импульсом для законодателя к изменению или дополнению действующего законодательства, а также к разработке новых норм, которые будут более четко отражать требования времени.

Судебное решение, основанное на толковании законодательства, непосредственно влияет на законодательные инстанции. Часто суды сталкиваются с правовыми нормами, которые не учитывают специфику современного общества или являются устаревшими. В результате судебные акты, устанавливающие новые подходы к толкованию норм, порождают необходимость пересмотра соответствующих статей в уголовном кодексе, что может ускорить процесс обновления законодательства и сделает его более отзывчивым к общественным запросам.

В правоприменительной практике существует огромное количество терминов, понятий, требующих разъяснения, к примеру, Пленум ВС РФ попытался разъяснить, что представляет собой беспомощное состояние

потерпевшего, в то же время границы развратных действий остаются открытыми

Приведем примеры судебного толкования в правоприменительной практике.

Верховный Суд объяснил, когда нельзя признать ущерб от кражи значительным: «при определении значительного ущерба от кражи суд не может опираться лишь на утверждения потерпевшего, необходимо учитывать его имущественное положение, стоимость похищенного и значимость этого имущества, размер заработной платы или пенсии пострадавшего, наличие у него иждивенцев, совокупный доход членов его семьи и другие нюансы. По признаку причинения гражданину значительного ущерба судам следует, учитывать имущественное положение потерпевшего, стоимость похищенного имущества и его значимость для потерпевшего, размер заработной платы, пенсии, наличие у потерпевшего иждивенцев, совокупный доход членов семьи, с которыми он ведет совместное хозяйство, и другое» [33].

Необходимо также принимать во внимание, что судебное толкование в уголовном праве не всегда происходит в условиях правового вакуума. Это означает, что оно зачастую основано не только на текстах законов, но и на развитии социума, социальных норм и ожиданий. Судьи, принимая решения, учитывают текущее состояние общественного мнения, что также способствует изменению и улучшению законодательной базы. Указанные факторы формируют динамику взаимодействия между правоприменением и законотворчеством, в которой судебное толкование как процесс оказывает обратное влияние на формирование уголовного законодательства.

Поскольку судебные акты могут не только разрешать конкретные дела, но и выявлять несоответствия в законодательных актах, на практике возникает необходимость в формировании конструктивного диалога между судебными инстанциями и законодателями. Таким образом, даже одно решение суда может стать основанием для законодательного анализа и разработки новых правовых норм. Это подчеркивает необходимость наличия устойчивых

механик взаимодействия между судебной и законодательной ветвями власти. Например, в своем решении Верховный Суд РФ изменяет квалификацию, исключая признак «с использованием служебного положения», в отношении продавца путевок С.С. Торощина. Несомненно, он располагал полномочиями на распоряжение денежными средствами с расчетного счета компании, что дополнительно подтверждает его значительную роль и влияние в осуществлении хозяйственной деятельности. Данные обстоятельства, таким образом, подчеркивают не только организационную, но и правовую ответственность фигуранта, что является неотъемлемой частью квалификации действий, расцениваемых как мошенничество [32].

Исходя из проведенного анализа возможно сделать следующие умозаключения.

Во-первых, понятие судебного толкования уголовного закона является предметом исследования в трудах различных ученых, в виду того, что с учетом прогрессирующего развития всех сфер общественной жизни возникают новые правоотношения, которые необходимо законодательно регулировать. Возникновение новых уголовно-правовых норм порождает необходимость их толкования для неприспособленного, не столкнувшегося в действительности правоприменителя. Вопрос об обязательности толкуемых решений продолжает оставаться в науке уголовного права дискуссионным.

Во-вторых, нами рассмотрены основные признаки, отличающие судебное толкование от иного вида толкования. Данные признаки в диссертационном исследовании представлены тремя группами, а именно:

- общие,
- индивидуальные,
- факультативные.

В дальнейшем на основании исследования признаков будет предложена дефиниция судебного толкования.

В-третьих, проанализированы классификации видов судебного толкования, которые были предметом исследования в других научных

работах, а также классификация, предложенная автором. Таким образом, можно выделить следующие виды судебного толкования по основаниям, которые уже были исследованы в юридической науке:

- по характеру предписаний – казуальное и нормативное толкование;
- по субъекту создания – акты толкования ВС РФ, КС РФ, Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) и иных судов национальной судебной системы;
- по структуре уголовного закона – толкование общей и особенной части;
- по охранительным уголовно-правовым отраслям – толкование в отрасли уголовного, уголовно-исполнительного, уголовно-процессуального права;
- по степени обязательности – обязательное и официозное судебное толкование;
- по объему даваемых разъяснений – адекватное, расширительное, ограничительное толкование;
- способу толкования – грамматическое, логическое, историческое, систематическое, функциональное, телеологическое, специально-юридическое и иные виды судебного толкования.

В-четвертых, дефиниции «разъяснение» и «толкование» имеют одну и ту же смысловую нагрузку и являются по своей природе тождественными понятиями.

На основании изложенных выводов предлагается внести следующие изменения в законодательстве.

- предлагается следующая дефиниция: судебное толкование - это процесс, в ходе которого суды разъясняют и уточняют нормы права, применяя их к конкретным делам, от качества которых зависит не только справедливость судебных решений, отвечающих строго определенным критериям, но и стабильность правовой системы в целом;

– в данной магистерской работе предлагается авторская классификация судебного толкования по форме внешнего выражения: когнитивное, письменное, устное.

В-пятых, судебная практика в различные исторические периоды сыграла важную роль в развитии и трансформации права, хотя не всегда признавалась источником права. Безусловно, единообразие толкования норм уголовного права являлось наиболее эффективным подспорьем для правоприменителя.

В-шестых, анализ действующего российского законодательства приводит диссертанта к выводу о наличии норм, регулирующих уголовно-правовые отношения, которые содержатся в законах других отраслей, что ставит под сомнение целостность положения ст. 1 УК РФ [172].

На основании изложенных выводов предлагаем на нормативном уровне придать судебному толкованию статус вспомогательного источника уголовного права, подвергнув изменению статью 1 УК РФ:

«Статья 1. Уголовное законодательство Российской Федерации

2. Настоящий Кодекс основывается на Конституции Российской Федерации и общепризнанных принципах и нормах международного права. Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу и прямое действие на всей территории страны. В случае противоречий между нормами настоящего Кодекса и Конституции Российской Федерации действуют положения Конституции. Нормы настоящего Кодекса, признанные неконституционными, в том числе ущемляющими закрепленные Конституцией Российской Федерации права и свободы человека и гражданина, утрачивают юридическую силу и не подлежат применению. Решения федеральных судов Российской Федерации по вопросам судебного толкования уголовно-правовых норм настоящего Кодекса по конкретным делам являются составной частью уголовного законодательства Российской Федерации. 3. Суды уголовной юрисдикции правомочны толковать административные,

регламентационные и индивидуальные акты и оценивать их законность, если от этого зависит разрешение уголовного дела, представленного на их рассмотрение. 4. Расширение или сужение действия уголовно-правовых норм через издание разъяснений, в виде решений федеральных судов Российской Федерации по вопросам судебного толкования уголовно-правовых норм настоящего Кодекса, не допускается».

Рассмотрев примеры из практики, можно сделать следующий вывод:

Во-первых, значение судебного толкования заключается в том, что оно восполняет пробелы в праве, разъясняя определенные нормы права, понятия, термины, фактически, делая эту работу за законодателя, который не смог в законе четко раскрыть смысл.

Во-вторых, судебное толкование – это совокупность мысли и буквы закона и эта совокупность направлена на то, чтобы квалификация была правильной, чтобы было вынесено правильное решение (приговор) по делу.

Глава 2 Толкование уголовного закона высшими судебными инстанциями на внутреннегосударственном и международном уровнях

2.1 Толкование уголовного закона Конституционным судом Российской Федерации и значение его решений в правоприменении

В соответствии с законодательством Российской Федерации: «Конституционный Суд Российской Федерации является органом конституционного контроля, самостоятельно и независимо осуществляет судебную власть посредством конституционного судопроизводства, дает толкование Конституции и другим нормативно-правовым источникам при рассмотрении и разрешении дел, входящих в его компетенцию» [69]. На федеральном уровне в качестве издаваемых положений Конституционным Судом РФ сформулированы акты, содержащие правовое мнение в соответствии с Конституцией РФ. Справедливо отметить, что двукратное законодательное упоминание термина «правовая позиция» порождает некоторые сомнения в состоятельности таких позиций. В юридической литературе этот вопрос нашел отражение в трудах различных правоведов. Так, А.А. Кукушкин определяет позицию КС РФ как: «общеобязательный официальный стандарт адекватного понимания смысла конституционных положений» [71, с. 97]. Г.В. Артемьев под правовыми позициями КС РФ понимает: «обязательные для исполнения нормативно-доктринальные положения, разъясняющие и конкретизирующие положения Конституции РФ и других нормативно-правовых актов» [16, с. 6-8]. По мнению В.И. Анишиной: «правовые позиции представляют собой интеллектуально-юридическое содержание судебного решения, то есть отношение суда к определенным правовым проблемам, закрепленное в решениях» [4, с. 15-16]. Г.А. Гаджиев и С.Г. Пепеляев считают: «правовая позиция КС РФ лишь фрагмент мотивировочной части его окончательного постановления, то есть

окончательные выводы суда» [35, с. 56]. Каждая из приведенных точек зрения имеет место быть, считаем, что такие позиции сформированы в каждом акте Конституционного Суда РФ, в том числе в определениях об отказе в принятии к рассмотрению жалоб.

К примеру, в Определении Конституционного Суда РФ от 18.07.2024 №2048-О, или в решении № 27-П от 09.07.2019, указывается, что: «Положения статьи 205.1 УК РФ не содержат неопределенности, в результате которой лицо было бы лишено возможности осознавать общественную опасность и противоправность своего деяния; не затрагивает эта норма и принцип презумпции невиновности» [116]; [125].

В связи с вышеизложенным в своем диссертационном исследовании мы не можем согласиться с представленной позицией Г.А. Гаджиева и С.Г. Пепеляева о том, что правовые позиции КС РФ находят свое отражение только в мотивировочной части окончательного решения суда [35, с. 102]. Анализ работ различных исследователей [35, с. 56]; [66, с. 116-118]; [16, с. 7]; [4, с. 17] приводит магистранта к выводу о том, что существует несколько признаков правовых позиций:

- исходя из положений внутригосударственного законодательства правовые позиции КС РФ, содержащиеся в его решениях и актах, носят общеобязательный характер. Следует обратить внимание на то, что Конституционный Суд РФ в своих решениях делает акцент на данный признак, так в пункте 4 Постановления Конституционного Суда от 16.06.1998 № 19-П: «Решения КС РФ обязывают всех правоприменителей действовать в соответствии с правовыми позициями суда, решения суда, в которых признанные неконституционными нормативные акты утрачивают свою юридическую силу, имеют общее значение» [133]. Предлагаем к сравнению позицию, в которой идёт отсылка к федеральному законодателю об устранении выявленных нарушений, хотя и без утраты юридической силы рассматриваемой нормы. Так, пунктом 2

Постановления Суда от 25.04.2018 №17-П отмечается требование к федеральному законодателю: «внести в действующее правовое регулирование ответственности за нарушение правил дорожного движения, совершенное лицом, управлявшим транспортным средством, необходимых изменений, не позднее чем через год после вступления настоящего Постановления в силу» [129]. Однако КС РФ предусмотрел в пункте 4 данного постановления меру, согласно которой в случае невнесения изменений, предписанных судом в течение установленного срока, пункт 2 примечания к статье 264 уголовного закона утратит свою силу;

- она отражает волю компетентного органа государственной власти и обладает юридической силой, как и само решение, принятое КС РФ. Таким образом, носит государственно-властный характер;
- имеют общий характер действия, то есть принимаемые правовые позиции распространяются на аналогичные случаи, имевшие предметом рассмотрения КС РФ, а также на вновь принимаемые им акты;
- являются оценкой объективной конституционности, то есть выступают как средство устранения неопределенности законодательных норм Конституции РФ и другим нормативно-правовым актам.

Исследовав вышеизложенные признаки, магистрант приходит к выводу, что позиции Конституционного Суда РФ, которые толкуют основной закон страны и конкретные конституционные нормы, общеобязательны. В данном диссертационном исследовании поддерживаем позицию ученого С.В. Масленниковой: «правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, содержащиеся в определениях суда, обязательны только для него самого» [77, с. 38], а также Е.В. Жучковой: «решения Конституционного Суда РФ сводятся не только к содержащимся в них

правовым позициям, но и к правовой аргументации, итоговым выводам» [53, с. 8-9].

В данной магистерской работе необходимо затронуть вопрос о постоянном официальном неопубликовании большинства определений КС РФ. Это вытекает из анализа действующего федерального конституционного закона, который закрепляет обязательность официального опубликования лишь только за двумя видами решений, это постановление и заключение КС РФ. Тем самым, указывая на не столь важную необходимость незамедлительного опубликования определений суда. Каждому юристу известна статья 15 Конституции РФ: «любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения» [69]. Такой подход законодателя является неоправданным, так как нормы федерального конституционного закона идут вразрез с основным источником страны. Считаем целесообразным изложить 78 статью Федерального конституционного закона от 21.07.1994 №1 «О Конституционном Суде Российской Федерации» [89] в следующей редакции:

«Все виды принимаемых решений Конституционным Судом Российской Федерации подлежат незамедлительному опубликованию в официальных изданиях органов государственной власти Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, которых затрагивает принятое решение. Решения Конституционного Суда РФ публикуются также в «Вестнике Конституционного Суда РФ», а при необходимости и в иных изданиях».

Принятие данной нормы поспособствует формированию КС РФ единой правовой позиции и позволит избежать частых судебных ошибок в делах.

В настоящем магистерском исследовании подлежит рассмотрению также постановление Суда от 14.07.2015 № 21-П [124]. Объектом рассмотрения явился запрос группы депутатов Государственной Думы по

поводу неопределенности в вопросе о том, являются ли соответствующими Конституции, оспариваемые в запросе правоположения.

Исходя из позиции суда, сделанной в рассматриваемом определении, следует вывод о приоритете Конституции РФ над международными договорами и правоприменительными актами. В данном случае вывод является обоснованным, так как это прямо следует из части 1 статьи 15 Конституции [69], в которой говорится о высшей юридической силе данного акта, а также из закрепленного суверенитета Российской Федерации, который относится, в том числе, и к основам конституционного и государственного строя.

В юридической литературе принятие данного постановления вызвал дискуссии. Ряд правоведов [67, с. 86]; [185, с. 58] считали часть 4 статьи 15 Конституции РФ, устанавливающую приоритет национального законодательства над международным, другие же [78, с. 152]; [74, с. 135]; [177, с. 174] наоборот. Анализ действующего постановления позволяет сделать вывод о том, что перед судом не был поставлен вопрос о месте международных источников права в правовой системе Российской Федерации и их соотношении с Конституцией РФ. Разрешению лишь подлежала проблема возможности исполнения нормативно-правовых актов, к которым относятся и постановления Европейского Суда по правам человека, в том случае, когда они противоречат Конституции РФ. Когда речь идет о столкновении либо коллизии этих решений во внутригосударственном правовом поле, тогда следует иметь в виду что Конвенция о правах человека, с нашей точки зрения, в силу ратификации Российской Федерацией этого документа вошла в правовую систему Российской Федерации и стала ее частью. В этом смысле она (Конвенция) в своих положениях также находится под эгидой Конституции, которая в правовой системе обладает высшей юридической силой.

Проблема отнесения решений КС РФ к источникам права вызывает в теории права оживленную дискуссию. Все позиции теоретиков можно условно разделить на следующие группы:

- те, кто считают решения суда источником права в виде нормативно-правовых актов (И.С. Бастен [18, с. 25-26], А.А. Белкин [19, с. 23], Л.Г. Бирюкова [22, с. 16], Н.В. Витрук [66, с. 103], Е.А. Колесников [63, с. 46], О.А. Ругина [151, с. 8], К.А. Степанов [164, с. 503], Д.А. Туркина [170, с. 53]);
- те, кто считают решения суда источником права в виде судебного прецедента (Г.А. Гаджиев [34], А.Б. Дорохова [49], В.Д. Зорькин [55, с. 4], К.В. Ображиев [117, с. 23], Е.И. Царегородцева [180, с. 607]);
- те, кто не считают решения суда источником права (Н.А. Богданова [23, с. 65], В.С. Нерсесянц [84, с. 110-112], В.В. Тарасова [167, с. 114-115]).

Разделяя первую точку зрения, считаем, что правовые позиции – это дополнительный уголовно-правовой источник. По мнению диссертанта, нет необходимости считать какую-либо часть решения источником права, так как правовая позиция суда формируется и отражается как в резолютивной части решения, так и в описательно-мотивировочной. Тем самым позволяя говорить о применении отдельных положений решения самостоятельно, без связи с итоговым. Решения КС РФ, принимаемые им при осуществлении конституционных полномочий, как нами ранее рассматривалось, являются окончательными и подлежат обязательному исполнению. Порядок исполнения решений КС РФ, сроки их исполнения, виды ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение некоторыми учеными, такими как А.Н. Кокотков [62, с. 90-91], М.В. Сидоренко [158, с. 387-388], Я.В. Солостовская [162, с. 388-389] видится в принятии отдельного нормативно-правового акта «Об исполнении решений Конституционного Суда РФ». Представляет интерес точка зрения правоведа П.В. Казаковой, с

которой мы, безусловно, согласны, о том, что в настоящее время актуальным остается вопрос расширения законодательной базы применительно к процессу исполнения решений КС РФ [57, с. 366-367]. Однако следует отметить, что автор не указывает, в какой именно форме необходимо реализовывать данное положение: путем принятия нового закона либо внесением изменений в действующий? На наш взгляд ответ на данный вопрос относительно содержательно раскрыт в рамках диссертационного исследования О.А. Ругиной [151, с. 9-10]. Для чего создавать новый акт, когда можно внести изменения в уже действующий.

Как известно, в действующем уголовном законе содержится норма, касающаяся ответственности за неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта (ст. 315 уголовного закона [172]). Недостатком данной нормы является то, что с учетом специального субъекта применение мер уголовной ответственности низкоэффективное. Нельзя не согласиться с мнением П.В. Казаковой: «для любого органа государственной власти и органа местного самоуправления главным видом ответственности является ответственность «*politica officium*», иными словами политическая» [57, с. 366-367]. Она заключается в лишениях избирательного характера: отказ в повторном избирании, отказ в назначении на должность.

Автором отмечается, что Суд в своих решениях ссылается на правовые позиции, которые были приняты им при рассмотрении других дел. Так, например, в определении от 30.05.2024 №1426-О, затрагивается положение о том что: «в своих решениях Конституционный Суд Российской Федерации указывает что, любое преступление, а равно наказание за это преступление должны иметь отчетливые границы в уголовном законе, то есть, опираясь на текст кодекса – при разъяснительном процессе, осуществляемом судом – правоприменитель смог бы предвидеть уголовно-правовые последствия своих действий (бездействия). Эти требования, предъявляемые к качеству уголовного закона, однако, не означают, что при формулировании его предписаний не могут использоваться оценочные или общепринятые понятия

(категории), позволяющие учесть необходимость эффективного применения уголовно-правовых запретов к неограниченному числу конкретных правовых ситуаций (определения № 441-О, № 260-О, № 484-О-П, № 1561-О-О, № 572-О-О, № 323-О, № 1142-О, № 2315-О, № 571-О и др.)» [115]; [127]; [128]. В мотивировочной части Постановления Конституционного Суда РФ от 18.01.2024 № 2-П/2024 содержится правоположение согласно которому: «Конституционный Суд РФ неоднократно отмечает, в сфере уголовно-правового регулирования – в силу статьи 54 (часть 2) Конституции Российской Федерации, основанной на принципе *nullum crimen, nulla poena sine lege* (нет преступления, нет наказания без указания на то в законе), – особое значение приобретает требование определенности правовых норм. Так, любое преступление, а равно наказание за его совершение должны быть четко определены в законе, причем таким образом, чтобы исходя из текста соответствующей нормы – в случае необходимости с помощью толкования, данного ей судами, – каждый мог предвидеть уголовно-правовые последствия своих действий (бездействия). Уголовная ответственность может считаться законно установленной лишь при условии, что она соразмерна характеру и степени общественной опасности криминализируемого противоправного деяния, а его составообразующие признаки, наличие которых в совершенном деянии, будучи основанием уголовной ответственности, позволяет отграничивать его от иных противоправных, а тем более законных действий, точно и недвусмысленно определены в уголовном законе, непротиворечиво вписывающемся в общую систему правового регулирования (постановления от 27.05.2008 № 8-П, от 13.07.2010 № 15-П, от 17.06.2014 № 18-П, от 16.07.2015 № 22-П и др.)» [132].

Исходя из анализа судебной практики, можно сделать вывод о том, что решения Конституционного Суда также применяются судами общей юрисдикции при вынесении решений.

Например, в решении по делу № 10-1313/2024 Челябинский областной суд при рассмотрении апелляционной жалобы выявил существенное

нарушение уголовно-процессуального закона, допущенного при разрешении вопроса о судьбе вещественного доказательства Калининского районного суда г. Челябинска [14], или например, в решениях № 2-025/19, № 2-15/19, № 2-29/19 Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ [6]; [7]; [8]. Апелляционная инстанция указывает, что согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, изложенной в постановлении от 19.06.2023 № 33-П: «уничтожение вещественных доказательств, в том числе выступивших объектом исследования, после вступления в законную силу приговора по тому уголовному делу, в котором они исследовались, – в условиях, когда они являются в то же время доказательствами по другому уголовному делу и имеется возможность их хранения, – противоречило бы принципу равенства перед законом и судом, создавало бы непреодолимые препятствия для непосредственного исследования сторонами и судом доказательств по этому уголовному делу, а потому не соответствовало бы неотъемлемому свойству права на судебную защиту, необходимым условиям справедливого правосудия, каковые составляют всесторонность и объективность судебного разбирательства, непосредственность и беспристрастность суда, который оценивает доказательства в совокупности по внутреннему убеждению, руководствуясь при этом законом и совестью» [123].

В описательно-мотивировочной части апелляционного решения Оренбургского областного суда по делу № 22-379/2024 суд также ссылается на Постановление Конституционного Суда РФ от 31.01.2011 № 1-П [126]: «Суд апелляционной инстанции, разрешая доводы апелляционного представления о необходимости сохранения ареста на автомобиль осужденного, принимая во внимание решение об отмене приговора в части, касающейся оставления без удовлетворения гражданского иска, находит их заслуживающими внимания, а арест на имущество осужденного – подлежащим сохранению до разрешения исковых требований. Указанное в полной мере согласуется с правовой позицией КС РФ, изложенной в постановлении от 31.01.2011 № 1-П, согласно которой наложение ареста на

имущество - мера процессуального принуждения, предусмотренная ст. 115 УПК РФ [171], которая может применяться как в публично-правовых целях для обеспечения возможной конфискации имущества, имущественных взысканий в виде процессуальных издержек или штрафа в качестве меры уголовного наказания, а также для сохранности имущества, относящегося к вещественным доказательствам по уголовному делу, так и в целях защиты субъективных гражданских прав лиц, потерпевших от преступления» [13].

Мы считаем, что корректное и своевременное применение отсылок на позиции и решения суда позволит судьям общей юрисдикции способствовать укреплению Российской Федерации как правового государства, а также обеспечит соответствие судебной практики требованиям конституционности.

В контексте Конституционного Суда России можно выделить два аспекта законодательства: негативный и позитивный. К негативному относят:

- принятие норм, которые могут ограничивать или нарушать права и свободы граждан. Например, законы, которые вводят запреты или ограничения на свободу слова, собраний и вероисповедания;
- неопределенность норм, а нечеткие или неопределенные формулировки законов, что может привести к произвольному толкованию и применению норм, а также к нарушениям прав граждан;
- проблемы с правоприменением могут возникать, когда законы не соответствуют Конституции, что может привести к обращениям в Конституционный Суд для проверки их конституционности.

К позитивному следует отнести то, что позитивное законодательство направлено на защиту прав и свобод граждан. Позитивное законодательство способствует созданию правовой среды, в которой соблюдаются права граждан и обеспечивается верховенство закона. Конституционный Суд играет важную роль в интерпретации и защите этих норм. Позитивные изменения в законодательстве могут способствовать улучшению правоприменительной практики и повышению уровня правосознания в обществе.

Наглядно можно проиллюстрировать, обращаясь к ранее уже упомянутому решению Конституционного Суда РФ, а именно в Постановлении от 25.04.2018 №17-П отмечается требование к федеральному законодателю: «о внесении в действующее правовое регулирование ответственности за нарушение правил дорожного движения, совершенное лицом, управлявшим транспортным средством, необходимых изменений, не позднее чем через год после вступления настоящего Постановления в силу. В случае его неустранения пункт 2 примечания к статье 264 УК РФ утратит свою силу» [129]. В данном случае нельзя не согласиться с мнением Н.В. Витрука о том, что «позитивные» решения Конституционного Суда РФ являются своеобразным скелетом для будущих правовых норм [66, с. 261].

В настоящее время сам Конституционный Суд нередко отмечал о большой загруженности суда в связи с обращениями (жалобами) по различным вопросам на соответствие Конституции РФ. Только за 2024 год подано 12 248 обращений, что на 18 % выше, чем в 2023 году (10365 обращений) [64]. Ввиду большого массива постановлений и определений судебному корпусу все сложнее и сложнее акклиматизироваться в них. Таким образом, Суду настоятельно рекомендуется ввести систематизированный учет его правовых позиций, подлежащий официальному толкованию путем издания специальных сборников правовых позиций Суда, содержащие, в том числе, и комментарии к решениям суда. Либо предусмотреть во внутригосударственном законодательстве полномочие какого-либо органа в корпусе Конституционного Суда осуществлять систематизированный учет конституционной доктрины. Некоторые исследователи, в частности, О.А. Ругина, считает одной из ключевых проблем Суда стиль изложения его решений [151, с. 9]. Аргументируя тем, что в некоторых решениях о признании отдельного правоположения неконституционным используются размытые формулировки, тем самым создавая препятствия исполнению решений. Считаю целесообразным предложением Н.В. Витрука: «разработать систему технически-

организационного порядка, направленную на учет и разъяснение излагаемых судом правовых позиций, а также механизм правового консультирования и координации правоприменительной и иной законодательной деятельности на федеральном и региональном уровнях» [66, с. 456]. Конституционному Суду РФ, в частности судейскому корпусу, необходимо постоянно совершенствовать технику своего повествования и изложения принимаемых решений, а также стремится к четкому формированию правовых позиций, чтобы все виды решений суда действительно стали актами прямого действия, не требующими дополнительных разъяснений.

2.2 Толкование уголовного закона Верховным Судом Российской Федерации и значение его решений в правоприменении

В соответствии с внутригосударственным законодательством Российской Федерации: «Верховный Суд Российской Федерации является главным федеральным органом судебной власти осуществляющим: судопроизводство по различным категориям дел, в том числе уголовным; надзор за деятельностью нижестоящих судов посредством разъяснения уголовно-правовых норм, в предусмотренных федеральным законом случаях. Рассматривая материалы анализа и обобщения судебной практики, ВС РФ в своих постановлениях дает судам разъяснения в целях обеспечения единообразного применения законодательства Российской Федерации» [69]; [87]. Напомним, что нам импонирует позиция М.А. Алисултановой о том, что толкование это и есть процесс разъяснения смысла уголовного закона, уяснение содержащихся в нем уголовно-правовых норм [3, с. 14]. Необходимо отметить, что во внутригосударственном законодательстве страны не имеется ни одного правового положения, которое бы закрепляло юридическую силу даваемых Верховным Судом РФ разъяснений. Являются ли они обязательными? Обращаясь к истории развития данного органа, проанализировав различные источники российского права можно отыскать

такое нормативное положение, согласно которому: «разъяснения суда (ВС РСФСР) обязательны для тех субъектов, которые применяют закон, по которому дано разъяснение» [111]. Эта норма права закрепляла общеобязательность даваемых разъяснений, однако это положение действовало до 07 мая 2009 года, а впоследствии и вовсе прекратило действие в связи с изданием нового источника права – федерального конституционного закона [100]. Вопрос об общеобязательности даваемых разъяснений в юридической литературе, в том числе науки уголовно права являются дискуссионным. Ряд ученых [36, с. 268]; [56, с. 28]; [84, с. 108]; [145, с. 23-25]; [147, с. 105] считают, что постановления Пленума ВС РФ являются лишь рекомендательными, так как судебные органы, отправляя власть, осуществляют её самостоятельно и независимо, а издаваемые акты разъясняют лишь смысл, а не указывают, как понимать или применять уголовное законодательство. Другие же авторы [25, с. 21]; [22, с. 16]; [47]; [52, с. 16]; [79, с. 131-132]; [85, с. 93]; [146, с. 64]; [188, с. 61]; [160, с. 8]; [21, с. 44] считают напротив издаваемые акты ВС РФ, имеющими общеобязательный характер, подтверждая свою позицию выдержкой из законодательства о судебной системе в Российской Федерации. В магистерском исследовании мы разделяем указанную позицию об общеобязательности даваемых разъяснений Верховным Судом РФ. Как говорилось ранее, позиции ВС РФ позволяют единообразно толковать законодательство для правоприменителей в том числе.

Для анализа состоятельности позиции Суда воспользуемся одним из ключевых постановлений, имеющим немаловажную роль в судебной и правоприменительной практике, а именно, Постановлением Пленума ВС РФ от 27.01.1999 № 1 [107].

В статье 105 УК РФ [172] отмечается недостаток дефиниции убийство, а именно в понятии отсутствует признак противоправность, так как имеются случаи (ситуации) умышленного правомерного лишения жизни другим человеком (например, при исполнении смертной казни).

Пленум Верховного Суда РФ в вышеуказанном постановлении [107] перечисляет основные мотивы совершенных убийства, однако кроме этих мотивов в простом убийстве могут быть также и следующие мотивы:

- из сострадания, так называемая «эвтаназия». Действующее российское законодательство [114] запрещает медицинскому персоналу проведение эвтаназии. В настоящее время ее альтернативой выступает паллиативная помощь больному. Необходимо отметить, что мотив сострадания является одним из обстоятельств смягчающих наказание за совершенное преступление.
- ритуальное убийство, которое совершается по религиозным мотивам и в соответствии с ритуалом, то есть путем повторяющихся действий в установленном порядке [1, с. 85]; [178, с. 5]; [135, с. 127].
- безмотивное убийство. Это когда мотив установить не удалось, либо мотив был, но не существенный [70, с. 18].

Позиция Верховного Суда РФ об отсутствии совокупности преступлений за убийство двух или более лиц является не состоятельной. В данном случае мы разделяем точку зрения М.Г. Решняк [148, с. 76], которая указывает на то, что сама по себе уголовно-правовая норма п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ предполагает совершение виновным лицом одного преступления, имеющего более опасные последствия по сравнению с простым убийством, так как причиняется смерть не одному, а нескольким людям. Таким образом, Пленум Верховного Суда РФ, ссылаясь на совокупность преступлений (ст. 17 УК РФ) в пункте 5 отмечает свою некомпетентность, так как с самого начала эту ссылку нельзя признать соответствующей тексту уголовного закона. Также необходимо отметить, что положения общей части уголовного закона идут в разрез с действующим законодательством касаясь времени и сроков давности совершаемого преступления. Достаточно проблематично определить с какого именно момента отсчитывать совершение деяния, ведь Пленум указывает: «убийство двух или более лиц, совершенное одновременно или в

разное время ...» [107], тем самым нарушает права и свободы лица, привлекаемого к уголовной ответственности [148, с.76-77].

Пункт «г» рассматриваемого постановления в принципе законодателем проигнорирован. До настоящего времени у Верховного Суда РФ не выработалась позиция относительно этого вида убийства. Считаем необходимым внести изменения в текст постановления, дополнив его разъяснениями квалификации преступления в случае, когда виновное лицо совершает убийство женщины, которая достоверно для него была в состоянии беременности, но после вскрытия оказалось, что она не была беременна, а именно, содеянное следует квалифицировать как покушение на убийство женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности (по ч. 3 ст. 30 и п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ). Зачастую некоторые ученые [17, с. 83]; [159, с. 16-17] и правоприменители считают необходимым квалифицировать данные действия как простое убийство и как покушение (ч. 1 ст. 105, ч. 3 ст. 30 и п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ) забывая о том, что в действующем уголовном законе предусмотрена норма, запрещающая нести ответственность дважды за одно и то же преступление.

Поэтому для разрешения этой ситуации и справедливо применяется юридическая фикция, выработанная в теории уголовного права и правоприменительной деятельности. Это намеренно созданное измышленное положение или построение несоответствующей действительности. Во всех случаях использования юридической фикции содеянное следует квалифицировать по направленности умысла и если деяние не было доведено до конца по объективным независящим от виновного обстоятельствам, то содеянное следует квалифицировать как покушение с применением дополнительной при квалификации ч. 3 ст. 30 УК РФ.

Остался без разъяснения также пункт «е¹», квалифицированный вид убийства, совершенное по мотивам кровной мести введенный в уголовный закон Федеральным законом от 24.07.2007г. № 211-ФЗ. В этом виде убийства исполнитель преступления специальный субъект – лицо, принадлежащее к той

народности, в которой исторически сложился обычай кровной мести. При этом потерпевшим может быть только лицо, принадлежащее к той же народности, что и исполнитель преступления.

В теории уголовного права вопрос о целесообразности существования данного пункта является дискуссионным. Некоторые исследователи, такие как В.В. Рудяк [152, с. 10], Т.А. Плаксина [122, с. 25,40] считают, что наличие убийства по мотиву кровной мести нарушает базисный конституционный принцип равенства всех перед законом в связи, с чем предлагают исключить данный пункт. Противоположной точки зрения придерживаются С.А. Маркарян, Д.А. Черчага, которые указывают, что специальным признаком субъекта убийства, совершенного по мотиву кровной мести, в данном случае выступает не национальная принадлежность виновного, а его признание, соблюдение обычая кровной мести [76, с. 81]; [184, с. 400]. Необходимо отметить, что, хотя Пленум ВС РФ и не внес изменения в постановление, дополнив его разъяснениями пункта «е¹», однако позиция суда нашла отражение в правоприменительной практике. Так, Президиум ВС РФ по надзорной жалобе, указывает что: «убийство по мотиву кровной мести, по букве закона, имеет место лишь в том случае, когда виновное лицо разделяет и признает этот обычай и в связи с этим лишает жизни потерпевшего, стремясь соблюсти его» [144].

Совершение убийства из хулиганских побуждений. В абзаце 2 пункта 12 рассматриваемого нами постановления содержится разъяснение, которое противоречит содержанию части 1 статьи 213 УК РФ в редакции Федерального закона от 08.12.2003 №162-ФЗ [2, с. 18].

Совершение убийства в целях использования органов и тканей потерпевшего. Ткани и органы могут быть использованы в целях трансплантации либо в каннибализме.

По мнению автора данного диссертационного исследования, последующая реализация или использование тканей и органов потерпевшего не влияет на квалификацию по данному составу преступления. В данном

случае цель как факультативный признак субъективной стороны трансформируется в обязательный тем самым и предполагая важность причинения смерти именно с указанной целью вне зависимости от последующей реализацией или нереализацией указанных органов и тканей потерпевшего лица. Исходя из диспозиции указанного состава и правоприменительной практикой нам представляется возможным сделать вывод о том, что в большинстве случаев субъектом преступления или его исполнителем выступает медицинский работник в стационарных или приближенных к ним условиях. В судебной практике, исходя из характера противоправного деяния, следует также вывод о том, что преступное деяние как обязательный признак объективной стороны выражается чаще всего бездействием со стороны виновного лица, то есть путем неоказания соответствующей помощи или неприменением мер для сохранения жизнеспособности потерпевшего лица. Нельзя не согласиться с В.Е. Неймар в том, что, высказывая свою позицию, ВС РФ поспособствует установлению единообразного толкования нижестоящими судами, а также укреплению законности [83, с. 52].

В своих позициях Суд разъясняет различные дефиниции, которые лишь обозначены в тексте уголовного закона. Так, например, ст. 222 предусматривает ответственность за реализацию огнестрельного оружия, его основных частей, боеприпасов, не раскрывая их. Пленум ВС РФ, в свою очередь, дал разъяснения в постановлении [106], что же следует понимать под этими действиями; что понимается под признаком незаконного проникновения в жилище, помещение или иное хранилище в некоторых формах хищения [101]. Верховный Суд РФ разъяснил, что следует понимать в статье 205.1 под вооружением: то есть снабжение лиц, участвующих в террористической деятельности, оружием, боеприпасами, взрывчатыми веществами <...> боевой техникой и т.п. в целях совершения хотя бы одного из преступлений, перечисленных в этой статье и финансированием терроризма РФ» [92].

Одной из ключевых функций Верховного Суда РФ является восполнение пробелов в действующем уголовном законодательстве. Так, в статье 146 уголовного закона (Нарушение авторских и смежных прав) используется дефиниция «экземпляр произведения», которая не раскрывается в тексте уголовного закона, тем самым порождая различную практику её реализации и трактования правоприменителем. Пленум ВС РФ устраняет пробельность в своем постановлении от 26.04.2007 № 14 [96]. В частности, раскрывается вышеназванная дефиниция, а именно, это воспроизведение работы на электронном или бумажном носителе.

Позиции Суда динамично развиваются и не ограничиваются лишь изданием постановлений по наиболее часто встречающимся на практике преступлениям. Согласно данным за 2023 год по части 1 статьи 238 было осуждено лишь 433 лица, тогда как по части 1 статьи 105 всего 4461 лица, что почти на 90% ниже [163]. Справедливо заметить, что статья 238 УК РФ изменялась последний раз лишь в далёком 1999 году. Спустя такой продолжительный срок, в 20 лет, Пленум ВС РФ издает постановление [104], которое разъясняет законодательство об уголовной ответственности в потребительской сфере. О динамике позиций Суда может также свидетельствовать развитие экономической ситуации в стране, а также научно-технический прогресс. До недавнего времени Российская Федерация еще не была знакома с таким понятием как «криптовалюта», однако в настоящее время этот процесс набирает обороты и уже издан соответствующий законопроект «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [113]. В связи с этим внесены ряд дополнений в постановление Пленума ВС РФ № 32 [102], а именно пункт 1 дополняется абзацами, закрепляющими в качестве предмета преступления денежные средства, преобразованные из виртуальных активов (криптовалюты), приобретенных в результате совершения преступления.

Всё это свидетельствует о том, что Верховный Суд РФ стремится идти «в ногу» со временем, так как в большинстве своем постановления, увы, издаются с течением длительного времени, порождая тем самым прорехи в правоприменительной практике.

Считаем необходимым в магистерском исследовании рассмотреть вопрос об использовании в описательно-мотивировочной части обвинительного приговора ссылок на постановления Пленума ВС РФ, помимо норм материального права. Исходя из проведенного анализа судебной практики, можно сделать вывод о том, что судьи в выносимых приговорах нередко обращаются к разъясняющим положениям Суда.

Так, в приговорах Ленинского районного суда г. Челябинска, Балецкого городского суда Забайкальского края, в постановлении президиума Свердловского областного суда [136]; [141]; [142] и др. делается ссылка на постановление Пленума ВС РФ по делам о краже, грабеже, разбое [101], в приговорах Центрального районного суда г. Кемерово, Баймакского районного суда Республики Башкортостан, Кимовского городского суда Тульской области [138]; [139]; [140] дается ссылка на постановление Пленума ВС РФ по делам о мошенничестве, присвоении и растрате [103], в кассационном решении ВС РФ [120] дается ссылка на постановление Пленума ВС РФ по делам, возбужденными по ст. 226 уголовного закона [106], в апелляционном акте коллегии по делам военнослужащих ВС РФ [5] делается ссылка на постановление Пленума ВС РФ по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности [108], в апелляционном решении Суда [9] присутствует ссылка на постановление Пленума по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ) [107].

Факт использования судьями ссылок на постановления Верховного Суда РФ в описательно-мотивировочной части обвинительного приговора у правоведов [145, с. 24-25] вызвал негативную оценку, считая такие действия неким произволом со стороны судебского корпуса, чем необходимо отнесения к источникам права. На наш взгляд позиция Е.А. Прохоровой

несостоятельна, так как судьи, принимая решение по конкретному делу, в первую очередь, опираются и ссылаются на закон, а лишь потом на позиции высших судебных органов, что закономерно вытекает из положений пункта 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 55 [110].

Включение уголовно-правовой нормы, позволяющей судебскому корпусу использовать решения высших судебных инстанций в структуре приговоров, поможет обеспечить единство судебной практики и соблюдение законности. Необходимо отметить, что такое нормативное положение нашло свое законодательное закрепление в остальных сферах судопроизводства. Данная норма отражена в подпункте 4 пункта 3 статьи 180 Кодекса административного судопроизводства РФ [61], в подпункте 3 пункта 4 статьи 198 гражданского процессуального законодательства [37], а также в подпункте 7 части 4 статьи 170 Арбитражного процессуального кодекса РФ [15]. Таким образом, считаем целесообразным дополнить частью 3 статью 305, частью 6 статью 307 Уголовно-процессуального кодекса РФ [171] следующим содержанием:

«В мотивировочной части решения могут содержаться ссылки на постановления Пленума Верховного Суда РФ, а также на обзоры судебной практики Верховного Суда РФ, утвержденные Президиумом Верховного Суда РФ».

Кроме того, установленные судом нормы поведения применяются не только к конкретному делу, но могут далее транслироваться в другие судебные акты, тем самым формируя правоприменительную практику, которая в дальнейшем служит неформальной основой для законодательных инициатив. В этом контексте можно говорить о том, что судебное толкование становится одним из источников инноваций в правовом регулировании, создавая пространство для законодательного творчества.

2.3 Толкование уголовного закона Европейским судом по правам человека

Для того чтобы рассматривать вопрос о толковании уголовного закона Европейским судом по правам человека (далее – ЕСПЧ, Суд) в действительности необходимо разобраться с его правовым положением, а также статусом принимаемых решений.

Правовой основой деятельности ЕСПЧ является Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 года (далее – Конвенция) [65], вступившая в силу 03.09.1953, которая не только провозгласила основополагающие права и свободы человека, но и создала особый механизм их защиты.

Данный нормативный акт был ратифицирован Российской Федерацией в 1998 году [99]. На самом деле, постановления ЕСПЧ имеют двойственный характер. Несмотря на то, что резолютивная часть решения суда должна исполняться лишь той страной, по которой она являлась стороной в тяжбе, однако, сформированные ЕСПЧ правовые позиции обязательны и для других государств-участников Конвенции, даже если они и не выступали стороной по делу.

Такой вывод находит подтверждение в трудах различных правоведов [72, с. 39-41]; [29, с. 127]; [165, с. 105]; [150, с. 204]; [73, с. 56]; [30, с. 3-4]. Это свидетельствует о том, что нормы, содержащиеся в решениях ЕСПЧ, носят неопределенный характер (то есть без привязки к какому-либо конкретному субъекту), так как конвенционные нормы не могут быть интерпретированы по-разному к каждому государству.

Таким, образом, нами представляется верным вывод о том, что все решения ЕСПЧ являлись обязательными для всех государств участников Конвенции, в том числе и Российской Федерации, независимо от того в пользу какого государства вынесено решение, с оговоркой на то, что такие решения не должны противоречить общепризнанным принципам и нормам

национального законодательства. Во внутригосударственном законодательстве, в соответствии с частью 3 статьи 46 Конституции РФ закреплено: «Право любого гражданина страны, в соответствии с международными актами РФ, обращаться в органы международной защиты своих прав, свобод и законных интересов, лишь в том случае если исчерпаны все имеющиеся национальные средства правовой защиты» [69]. Необходимо отметить, что поскольку Российская Федерация вышла из Совета Европы, то с 16.03.2022 были денонсированы ряд международных актов, в том числе и Европейская конвенция по правам человека [97].

В данном диссертационном исследовании справедливо отметить, что ЕСПЧ по своей правовой природе не являлось высшей судебной инстанцией по отношению к судебной системе государства, являющегося участником Конвенции. Тем самым диссертант приходит к выводу, что данный суд не мог установить, отменить или изменить, принятое внутригосударственным органом власти или судом, решение.

Нельзя говорить и о том, что ЕСПЧ давал какие-либо рекомендации законодателю-участнику Конвенции. Как следует из анализа юридической литературы относительно этого вопроса, ЕСПЧ ни в каких проявлениях не осуществляло контроль внутригосударственного законодательства, не влияло на правоприменительную практику.

В издаваемых решениях ЕСПЧ отсутствовали и правовые нормы, которые бы регламентировали право ЕСПЧ давать указания государствам участникам Конвенции, принимать меры, имеющие юридические последствия.

В ведении Суда находилось лишь рассмотрение отдельных жалоб для того, чтобы установить имелось ли в действительности нарушение требований Конвенции и Протоколов к ней. Следует отметить, что ЕСПЧ мог в своих решениях лишь постановить материальную компенсацию в виде ущерба, морального вреда, а также судебных издержек. Это непосредственно вытекало

из положения, закрепленного в пункте 9 постановления Пленума ВС РФ №21 [98].

Правоположения Конвенции путем их истолкования Судом оказывало существенное влияние на правоприменительную практику судов в Российской Федерации. Это подтверждается тем, что в настоящее время, судебные органы в своих решениях ссылаются на правовые позиции ЕСПЧ. Так, в описательно-мотивировочной части апелляционных определений Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ [10]; [11] суд ссылается на практику ЕСПЧ, указывая, что наличие случаев нарушений прав человека в той или иной стране не является само по себе достаточным основанием для определения того, что конкретному лицу будет угрожать применение пыток при возвращении в эту страну.

В решении ЕСПЧ по делу «И.У. против России» [42] рассматривается жалоба гражданина Д. по факту нарушения его прав и свобод, выразившееся в нерассмотрении национальными властями доводов гр. Д о наличии риска подвергнуться жестокому обращению в случае выдворения его в республику У. Жалоба была удовлетворена. В вопросах экстрадиции правоприменитель во внутригосударственном поле должен руководствоваться, безусловно, национальным законодательством, но также и общепризнанными принципами и нормами международного права, коими выступает Конвенция, решения ЕСПЧ и другие акты. Если выдача лица осуществляется по требованию государства, где этому лицу угрожают жестоким обращением, то такая выдача противоречит Конвенции. В связи с тем, что вопрос об обязательности был рассмотрен ранее, представляется целесообразным нормативно закрепить рассматриваемое выше конвенционное толкование в качестве уголовно-правовой и уголовно-процессуальной нормы.

Европейский Суд по правам человека в некой мере схож с Конституционным РФ в части формулирования позиций-принципов, отсылки к которым имеются и в судебной практики судов. Например, в своем определении, Верховный Суд РФ [119] ссылается на сформулированный

ЕСПЧ принцип, согласно которому: «если в государстве существуют две судебные системы, и одна из них отказалась рассматривать спор из-за отсутствия компетенции, вторая судебная система обязана принять дело к своему производству без исследования вопроса о компетенции (решения по жалобам: № 55520/00, № 30395/04, № 21851/03)» [39]; [40]; [134]. Необходимо отметить, что ссылки на решения ЕСПЧ можно также увидеть в правовых позициях Конституционного Суда РФ. К примеру, в постановлении № 33-П [131] по факту производства следственного действия в виде обыска в отношении адвокатского корпуса или отдельного адвоката, в мотивировочной части суд указывает, что ЕСПЧ придерживается аналогичной точки зрения. В рамках предварительного следствия в ходе следственного действия были изъяты и исследованы материалы адвокатского производства, которые не связаны с нарушениями со стороны адвоката, его доверителя либо иных лиц. В своей судебной практике ЕСПЧ указывает, что само постановление о производстве следственного действия должно обеспечивать ограничение его последствий разумными пределами. Так, в деле «Kolesnichenko v. Russia» ЕСПЧ усмотрел нарушения Конвенции в том, что национальным судом следственному органу было разрешено произвести следственные действия в виде обысков в адвокатском кабинете. В ходе данных следственных действий не была обеспечена реализация принципа кодекса профессиональной этики адвоката – невмешательства в профессиональные секреты. Нарушение данного принципа, исходя из существа уголовного дела, порождает негативную оценку собранного доказательства при отправлении уголовного судопроизводства, а также затрагивает конвенционные права человека. Таким образом, ЕСПЧ в своем решении изложил позицию, согласно которой производство следственного действия в виде обыска в отношении адвоката возможно лишь при обеспечении следующих условий:

- если у органов предварительного расследования будут достаточные основания для его производства;
- гарантии невмешательства в адвокатское производство;

Соблюдение вышеперечисленных условий позволяло соблюдать конвенционные положения ЕСПЧ, а также национальным правоприменителям проводить следственные действия в отношении надлежащего субъекта, а не адвоката, который даже не подозревался в совершении какого-либо преступления, а лишь являлся защитником обвиняемого. Такая правовая позиция нашла отражение в решении ЕСПЧ по делу «Юдицкая и другие против России» [130].

В условиях правовой действительности халатность правоприменителей и их некомпетентность приводило Конституционный Суд к выводу, что: «право на полную, справедливую и эффективную судебную защиту на основе равенства всех перед законом и судом включает в себя не только право на законный суд, но и гарантии объективности, независимости и беспристрастности судей. Обеспечение этих гарантий является важнейшей целью государства, реализуемой как при построении механизма судебной власти в целом (установление судебной системы, правового статуса судей, процедуры их отбора и назначения и др.), так и при определении надлежащего суда (состав суда, институты отводов, подсудность дел и т.д.)» [131]. Этот вывод подкрепляется судебной практикой ЕСПЧ, а именно в признании объективного подхода к оценке беспристрастности судей применительно к субъективному праву обвиняемого на судебную защиту (решения по делам «Пьерсак (Piersack) против Бельгии», «Кастильо Альгар (Castillo Algar) против Испании») [131].

Следует также рассмотреть ключевое для Российской Федерации постановление Конституционного Суда РФ [124] о признании верховенства национального законодательства Российской Федерации над международным, которое было предметом рассмотрения настоящей магистерской работы. Объектом рассмотрения явился запрос группы депутатов Государственной Думы по поводу неопределенности в вопросе о том, являются ли соответствующими Конституции, оспариваемые в запросе правовые положения [90]; [99]. Исходя из позиции суда, сделанной в рассматриваемом

определении, следует вывод о приоритете Конституции над международными договорами и правоприменительными актами. В данном случае вывод является обоснованным, так как это прямо следует из части 1 статьи 15 Конституции, в которой говорится о высшей юридической силе данного акта, а также из закреплённого суверенитета Российской Федерации.

Исследуя правоприменительную практику нами было установлено, что суды субъектов также ссылаются на решения ЕСПЧ. Например, в Апелляционном постановлении Магаданского областного суда по делу № 22К-200/2019 председательствующий указывает на то, что: «вопреки утверждениям адвоката выводы суда первой инстанции о возможности обвиняемого скрыться от следствия и суда, и продолжать заниматься преступной деятельностью, а также воздействовать на свидетелей в случае нахождения его на свободе, основаны на данных о личности Е. и обоснованности подозрения его причастности к обстоятельствам, послужившим основанием для возбуждения уголовного дела по факту смерти Ч. Это соответствует правовой позиции ЕСПЧ, согласно которой на стадии расследования риск того, что лицо скроется или будет препятствовать правосудию, может не требовать доказательств и оправдывать содержание его под стражей» (постановление от 15 декабря 2013 г. «Евгений Гусев против Российской Федерации»)» [12]; [41]. В частности, в приговоре Заднепровского районного суда г. Смоленска по делу № 1-77/2019 [143], суд учитывает правовые позиции высшего международного суда, согласно прецедентной практики ЕСПЧ, юрисдикция которого признана Российской Федерацией как участника. Суду при разрешении дела и формировании вывода о наличии объективных подозрений необходимо, в числе прочего, исследовать в совокупности с иными обстоятельствами дела деликтное прошлое лица, которое привлекается к ответственности, для оценки его склонности к нарушению закона (дела «Банникова против РФ», «Худобин против РФ») [45]; [46].

Ранее было рассмотрено положение о том, что Российская Федерация, являлась участником Конвенции 1950 года и должна была неукоснительно исполнять решения, принятые ЕСПЧ. Однако до 2015 года судебная практика РФ шла вразрез с принципами и нормами международного права касаясь проведения оперативно-розыскного мероприятия «Проверочная закупка».

Так как данное ОРМ является провокацией со стороны правоохранительных органов ЕСПЧ сформулировано правоположение, согласно которому если фундаментирующее дело доказательство получено в результате производства оперативно-розыскного мероприятия, негласной проверочной закупке, осуществляемой, чаще всего, по преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотических средств, взяточничеством [43]; [44], правоохранители обязаны доказывать допустимость полученной информации в качестве доказательства по уголовному делу. То есть, оперативные сотрудники обязаны самостоятельно доказывать правомочность производства ОРМ «проверочная закупка», а именно: основания производства, доказательства, свидетельствующие о месте приготовления к преступлению и другие.

В России нередко наблюдаются случаи нарушения прав человека, непрозрачности судебных процессов и политического давления на судебную систему. Кроме того, ряд политических и юридических мер, принятых в России в последние годы, направлен на ограничение доступа к международным правозащитным организациям и институтам, что делает практически невозможным защиту прав граждан в рамках Европейского суда по правам человека. Таким образом, отсутствие доступа к ЕСПЧ уменьшает возможности граждан России на защиту своих прав и делает их более уязвимыми перед возможными нарушениями.

Подводя итоги исследования второй главы, следует отметить следующие сформировавшиеся выводы:

- Конституционный Суд РФ является федеральным субъектом конституционного контроля, который единолично и объективно

осуществляет судебную власть, посредством конституционного судопроизводства, толкуя Конституцию и другие нормативно-правовые источники при рассмотрении и разрешении дел, входящих в его компетенцию;

- все виды решений принимаемых КС РФ содержат правовую позицию суда относительно уголовного и иного законодательства;
- решения КС РФ обладают признаками общеобязательности, формальной определенности, государственно-властным характером, общим характером действия, а также оценкой объективной конституционности;
- Верховный Суд РФ и суды общей юрисдикции ссылаются на принимаемые Конституционным Судом РФ решения. В некоторых случаях, игнорирование вышеназванными судебными органами решений Конституционного Суда РФ может повлечь отмену или изменение вынесенных решений;
- все перечисленные в федеральном законодательстве виды судебных решений Конституционного Суда РФ являются дополнительным источником уголовного права;
- разъяснения и постановления Пленума Верховного Суда РФ являются в настоящее время дополнительным источником уголовного права. Их особенность заключается в том, что в них не могут быть созданы, изменены или отменены уголовно-правовые запреты;
- за издаваемыми постановлениями необходимо закрепить общеобязательный характер;
- постановления Пленума Верховного Суда РФ помогают восполнить пробелы в действующем законодательстве, а также единообразно применять толкуемые нормы на практике;

- позиция Верховного Суда РФ динамично развивается и помогает правоприменителям правильно реализовывать разъясняемые положения;
- разъяснения и постановления ЕСПЧ являлись дополнительным источником уголовного права. Их особенность заключалась в том, что их исполнение вытекало исходя из ратификации Российской Федерацией Конвенции 1950 года;
- нами представляется верным вывод о том, что все решения ЕСПЧ являлись обязательными для всех государств участников Конвенции 1950г., в том числе и Российской Федерации, независимо от того в пользу какого государства вынесено решение, с оговоркой на то, что такие решения не должны были противоречить общепризнанным принципам и нормам национального законодательства;
- решения ЕСПЧ помогали восполнить пробелы в действующем законодательстве, а также единообразно применять толкуемые нормы на практике;
- позиции ЕСПЧ динамично развивались и помогали правоприменителям правильно реализовывать разъясняемые положения;
- одной из основных проблем отсутствия возможности обращения граждан России в Европейский суд по правам человека является отсутствие доступа к справедливому судопроизводству внутри страны.

На основании изложенных выводов предлагаем:

- внести следующие изменения в законодательстве, а именно, сформулировать авторское понятие правовой позиции Конституционного Суда РФ, формируемой в рамках уголовного права. Под которой следует понимать нормативное правоположение, призванное регулировать отношения, связанные с разъяснением и конкретизацией основного закона страны, которые юридически

оформлены в постановлениях и определениях суда, способные устранить неясность и восполнить пробельность уголовного законодательства;

- предлагаем дополнить Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» [107] пунктом 9.1: «9.1. При квалификации действий виновного по п. «е1» ч. 2 ст. 105 УК РФ по признаку «убийство по мотиву кровной мести» исполнителем преступления надлежит считать специальный субъект преступления, а именно лицо, принадлежащее к той народности, в которой исторически сложился обычай кровной мести. При этом потерпевшим может быть только лицо, принадлежащее к той же народности, что и исполнитель преступления.

Убийство по мотиву кровной мести имеет место лишь в том случае, когда виновное лицо разделяет и признает этот обычай и в связи с этим лишает жизни потерпевшего, стремясь соблюсти его».

Глава 3 Проблемные аспекты судебного толкования уголовного закона и пути их преодоления

А.Г. Рублев: «судебное толкование уголовного закона в Российской Федерации является процессом интерпретации и применения законов уголовного характера судами при разрешении уголовных дел» [149, с. 354]. Судебное толкование уголовного закона в России проводится с учетом всех действующих норм и принципов права, а также последующих изменений в законодательстве. При этом оно осуществляется судом как независимым органом в рамках конституции и законов страны.

Первой проблемой является отсутствие законодательного закрепления судебного толкования как вспомогательного источника уголовного права. Большой массив нормативных источников, регулирующих уголовно-правовые отношения, нормы закона чаще всего имеют бланкетный характер и отсылают к иным источникам, таким как постановления Правительства РФ, указам Президента РФ, ведомственным приказам. По нашему мнению, придав нормативное закрепление актам судебного толкования, деятельность судебных и правоохранительных систем положительно повлияет на то единообразие, ту унификацию толкования норм уголовного права, о которых было упомянуто в исследовании. Решением данной проблемы является внесение изменений в уголовное законодательство, а именно в статью 1 УК РФ [172].

Ко второй проблеме относится длительное отсутствие издания определений Конституционного Суда Российской Федерации, отсутствие определенности в вопросе отнесения решений КС РФ к источникам права. Ранее нами отмечалось, что не все решения суда подлежат официальному опубликованию, а лишь постановления и заключения, что приводит к неоднозначному толкованию в правоприменительной практике. В данном случае нормы федерального конституционного закона идут вразрез с Конституцией Российской Федерации. В целях устранения данной проблемы

считаем целесообразным внести изменения в статью 78 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 №1 [89]. До настоящего времени дискуссионным остается вопрос об отнесении решений Конституционного Суда РФ к источникам уголовного права. Как ранее нами было рассмотрено, что сложившиеся в процессе правотворческой деятельности суда правовые позиции являются целостными и не должны подразделяться по их содержанию (в описательно-мотивировочной, резолютивной) в издаваемых актах. Таким образом, считаем, что закрепление и отнесение таких решений к источникам права обоснованно и позволит соблюдению принципа законности при рассмотрении уголовных дел.

К третьей проблеме следует отнести отсутствие общеобязательного характера издаваемых Верховным Судом РФ постановлений, а также отсутствие определенности в вопросе отнесения решений ВС РФ к источникам права. Анализируя деятельность суда, процесс толкования тех или иных норм уголовного права, магистрант приходит к выводу о том, что любая работа правоприменителя, в том числе следственных органов, органов дознания, начинается с квалификации того или иного деяния, подпадающего под признаки преступления либо административного правонарушения, продолжается изучением актов толкования этих норм, постановлений Верховного Суда РФ, и заканчивается справедливым основанным на законе решением. Халатность законодателя в вопросе определения места актов суда к дополнительным, вспомогательным источникам уголовного права, плодит дифференцированный подход к расследованию и рассмотрению уголовных дел одной квалификации, с похожими обстоятельствами дела. Считаем, что решения, издаваемые Верховным Судом РФ являются неотъемлемой частью правоприменительного процесса, позволяют устранить пробельность, единообразно транслировать эти нормы, и, безусловно, должны иметь общеобязательный характер и являться источниками уголовного права.

Четвертой проблемой является отсутствие возможности обращения граждан России в Европейский суд по правам человека, в связи выходом

Российской Федерации из Совета Европы, поскольку были денонсированы ряд международных актов, в том числе и Европейская конвенция по правам человека. Лишившись возможности к справедливому судопроизводству внутри страны, граждане России обращались в ЕСПЧ для защиты своих нарушенных прав и свобод, но в настоящее время они лишены и этого. Однако это не означает, того, что граждане, чьи права и интересы нарушены внутреннегосударственным уголовным судопроизводством, обделены возможностью обращаться в другие органы, к примеру, в Комитет по правам человека ООН (далее – Комитет). Обращение в Комитет по правам человека ООН может быть важным шагом для защиты прав человека, но с этим процессом связаны определенные проблемы и сложности. Вот некоторые из них:

- сложности в доступе к информации. Не всегда доступна полная информация о том, как правильно подать жалобу, какие документы нужны и какие сроки существуют;
- процессуальные барьеры. Подача жалобы может требовать соблюдения строгих процессуальных норм, что может быть сложно для лиц, не обладающих юридическими знаниями;
- ограниченные ресурсы. У многих жертв нарушения прав человека нет доступа к необходимым ресурсам, таким как юридическая помощь или финансовая поддержка для подачи жалобы;
- долгий процесс рассмотрения. Жалобы могут рассматриваться в течение длительного времени, и результаты могут быть не столь оперативными, как хотелось бы;
- отсутствие обязательности решений. Решения Комитета не всегда имеют обязательный характер для государств, что может ограничивать их эффективность;
- страх репрессий. Лица, обращающиеся в Комитет, могут опасаться репрессий со стороны своего правительства, что может сдерживать их от подачи жалоб;

- языковые барьеры. Не все могут подать жалобу на языке, который принимается Комитетом, что может стать дополнительным препятствием.

Несмотря на эти сложности, обращение в Комитет по правам человека ООН может быть важным инструментом для защиты прав и свобод, и многие организации и юристы предлагают помощь в этом процессе.

Таким образом, выделены следующие ключевые проблемы, связанные с толкованием судами уголовного закона и предложены пути их решения:

- отсутствие законодательного закрепления судебного толкования как вспомогательного источника уголовного права;
- длительное отсутствие издания определений Конституционного Суда Российской Федерации, отсутствие определенности в вопросе отнесения решений КС РФ к источникам права;
- отсутствие общеобязательного характера издаваемых Верховным Судом РФ постановлений, а также отсутствие определенности в вопросе отнесения решений ВС РФ к источникам права;
- отсутствие возможности обращения граждан России в Европейский суд по правам человека, в связи выходом Российской Федерации из Совета Европы, поскольку были денонсированы ряд международных актов, в том числе и Европейская конвенция по правам человека.

Заключение

Исходя из проведенного анализа возможно сделать следующие умозаключения.

Во-первых, понятие судебного толкования уголовного закона является предметом исследования в трудах различных ученых, в виду того, что с учетом прогрессирующего развития всех сфер общественной жизни возникают новые правоотношения, которые необходимо законодательно регулировать. Возникновение новых уголовно-правовых норм порождает необходимость их толкования для неприспособленного, не столкнувшегося в действительности правоприменителя. Вопрос об обязательности толкуемых решений продолжает оставаться в науке уголовного права дискуссионным.

Во-вторых, нами рассмотрены основные признаки, отличающие судебное толкование от иного вида толкования. Данные признаки в диссертационном исследовании представлены тремя группами, а именно:

- общие,
- индивидуальные,
- факультативные.

В дальнейшем на основании исследования признаков будет предложена дефиниция судебного толкования.

В-третьих, проанализированы классификации видов судебного толкования, которые были предметом исследования в других научных работах, а также классификация, предложенная автором. Таким образом, можно выделить следующие виды судебного толкования по основаниям, которые уже были исследованы в юридической науке:

- по характеру предписаний – казуальное и нормативное толкование;
- по субъекту создания – акты толкования ВС РФ, КС РФ, Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) и иных судов национальной судебной системы;

- по структуре уголовного закона – толкование общей и особенной части;
- по охранительным уголовно-правовым отраслям – толкование в отрасли уголовного, уголовно-исполнительного, уголовно-процессуального права;
- по степени обязательности – обязательное и официозное судебное толкование;
- по объему даваемых разъяснений – адекватное, расширительное, ограничительное толкование;
- способу толкования – грамматическое, логическое, историческое, систематическое, функциональное, телеологическое, специально-юридическое и иные виды судебного толкования.

В-четвертых, дефиниции «разъяснение» и «толкование» имеют одну и ту же смысловую нагрузку и являются по своей природе тождественными понятиями.

На основании изложенных выводов предлагается внести следующие изменения в законодательстве.

- предлагается следующая дефиниция: судебное толкование - это процесс, в ходе которого суды разъясняют и уточняют нормы права, применяя их к конкретным делам, от качества которых зависит не только справедливость судебных решений, отвечающих строго определенным критериям, но и стабильность правовой системы в целом;
- в данной магистерской работе предлагается авторская классификация судебного толкования по форме внешнего выражения: когнитивное, письменное, устное.

В-пятых, судебная практика в различные исторические периоды сыграла важную роль в развитии и трансформации права, хотя не всегда признавалась источником права.

Безусловно, единообразие толкования норм уголовного права являлось наиболее эффективным подспорьем для правоприменителя.

В-шестых, анализ действующего российского законодательства приводит диссертанта к выводу о наличии норм, регулирующих уголовно-правовые отношения, которые содержатся в законах других отраслей, что ставит под сомнение целостность положения ст. 1 УК РФ [172].

На основании изложенных выводов предлагаем на нормативном уровне придать судебному толкованию статус вспомогательного источника уголовного права, подвергнув изменению статью 1 УК РФ:

«Статья 1. Уголовное законодательство Российской Федерации. 2. Настоящий Кодекс основывается на Конституции Российской Федерации и общепризнанных принципах и нормах международного права. Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу и прямое действие на всей территории страны. В случае противоречий между нормами настоящего Кодекса и Конституции Российской Федерации действуют положения Конституции. Нормы настоящего Кодекса, признанные неконституционными, в том числе ущемляющими закрепленные Конституцией Российской Федерации права и свободы человека и гражданина, утрачивают юридическую силу и не подлежат применению. Решения федеральных судов Российской Федерации по вопросам судебного толкования уголовно-правовых норм настоящего Кодекса по конкретным делам являются составной частью уголовного законодательства Российской Федерации. 3. Суды уголовной юрисдикции правомочны толковать административные, регламентационные и индивидуальные акты и оценивать их законность, если от этого зависит разрешение уголовного дела, представленного на их рассмотрение. 4. Расширение или сужение действия уголовно-правовых норм через издание разъяснений, в виде решений федеральных судов Российской Федерации по вопросам судебного

толкования уголовно-правовых норм настоящего Кодекса, не допускается».

Рассмотрев примеры из практики, можно сделать следующий вывод:

Во-первых, значение судебного толкования заключается в том, что оно восполняет пробелы в праве, разъясняя определенные нормы права, понятия, термины, фактически, делая эту работу за законодателя, который не смог в законе четко раскрыть смысл.

Во-вторых, судебное толкование – это совокупность мысли и буквы закона и эта совокупность направлена на то, чтобы квалификация была правильной, чтобы было вынесено правильное решение (приговор) по делу.

Подводя итоги исследования второй главы, следует отметить следующие сформировавшиеся выводы:

- Конституционный Суд РФ является федеральным субъектом конституционного контроля, который единолично и объективно осуществляет судебную власть, посредством конституционного судопроизводства, толкуя Конституцию и другие нормативно-правовым источники при рассмотрении и разрешении дел, входящих в его компетенцию;
- все виды решений принимаемых КС РФ содержат правовую позицию суда относительно уголовного и иного законодательства;
- решения КС РФ обладают признаками общеобязательности, формальной определенности, государственно-властным характером, общим характером действия, а также оценкой объективной конституционности;
- Верховный Суд РФ и суды общей юрисдикции ссылаются на принимаемые Конституционным Судом РФ решения. В некоторых случаях, игнорирование вышеназванными судебными органами решений Конституционного Суда РФ может повлечь отмену или изменение вынесенных решений;

- все перечисленные в федеральном законодательстве виды судебных решений Конституционного Суда РФ являются дополнительным источником уголовного права;
- разъяснения и постановления Пленума Верховного Суда РФ являются в настоящее время дополнительным источником уголовного права. Их особенность заключается в том, что в них не могут быть созданы, изменены или отменены уголовно-правовые запреты;
- за издаваемыми постановлениями необходимо закрепить общеобязательный характер;
- постановления Пленума Верховного Суда РФ помогают восполнить пробелы в действующем законодательстве, а также единообразно применять толкуемые нормы на практике;
- позиция Верховного Суда РФ динамично развивается и помогает правоприменителям правильно реализовывать разъясняемые положения;
- разъяснения и постановления ЕСПЧ являлись дополнительным источником уголовного права. Их особенность заключалась в том, что их исполнение вытекало исходя из ратификации Российской Федерацией Конвенции 1950 года;
- нами представляется верным вывод о том, что все решения ЕСПЧ являлись обязательными для всех государств участников Конвенции 1950г., в том числе и Российской Федерации, независимо от того в пользу какого государства вынесено решение, с оговоркой на то, что такие решения не должны были противоречить общепризнанным принципам и нормам национального законодательства;
- решения ЕСПЧ помогали восполнить пробелы в действующем законодательстве, а также единообразно применять толкуемые нормы на практике;

- позиции ЕСПЧ динамично развивались и помогали правоприменителям правильно реализовывать разъясняемые положения;
- одной из основных проблем отсутствия возможности обращения граждан России в Европейский суд по правам человека является отсутствие доступа к справедливому судопроизводству внутри страны.

На основании изложенных выводов предлагаем:

- внести следующие изменения в законодательстве, а именно, сформулировать авторское понятие правовой позиции Конституционного Суда РФ, формируемой в рамках уголовного права. Под которой следует понимать нормативное правоположение, призванное регулировать отношения, связанные с разъяснением и конкретизацией основного закона страны, которые юридически оформлены в постановлениях и определениях суда, способные устранить неясность и восполнить пробельность уголовного законодательства.
- дополнить Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» [107] пунктом 9.1: «9.1. При квалификации действий виновного по п. «e1» ч. 2 ст. 105 УК РФ по признаку «убийство по мотиву кровной мести» исполнителем преступления надлежит считать специальный субъект преступления, а именно лицо, принадлежащее к той народности, в которой исторически сложился обычай кровной мести. При этом потерпевшим может быть только лицо, принадлежащее к той же народности, что и исполнитель преступления.

Убийство по мотиву кровной мести имеет место лишь в том случае, когда виновное лицо разделяет и признает этот обычай и в связи с этим лишает жизни потерпевшего, стремясь соблюсти его.

Выделены следующие ключевые проблемы, связанные с толкованием судами уголовного закона и предложены пути их решения:

- отсутствие законодательного закрепления судебного толкования как вспомогательного источника уголовного права;
- длительное отсутствие издания определений Конституционного Суда Российской Федерации, отсутствие определенности в вопросе отнесения решений КС РФ к источникам права;
- отсутствие общеобязательного характера издаваемых Верховным Судом РФ постановлений, а также отсутствие определенности в вопросе отнесения решений ВС РФ к источникам права;
- отсутствие возможности обращения граждан России в Европейский суд по правам человека, в связи выходом Российской Федерации из Совета Европы, поскольку были денонсированы ряд международных актов, в том числе и Европейская конвенция по правам человека.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Абраменкова В.С. Проблемы раскрытия убийств, совершенных тоталитарными сектами // Сибирский юридический вестник. 2004. № 4. С. 85-87.
2. Аистова Л.С. Комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» от 15 ноября 2007 г. № 45 / под ред. А.Н. Попова. – СПб. : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, 2010. 28 с.
3. Алисултанова М.А. Толкование уголовного закона // Проблемы совершенствования законодательства : сборник научных статей студентов юридического факультета СКИ(ф) ВГУЮ (РПА Минюста России). Выпуск-80/19. Махачкала: Общество с ограниченной ответственностью «АЛЕФ», 2019. С. 14-16.
4. Анишина В.И. Правовые позиции Конституционного Суда России // Российская юстиция. 2000. № 7. С. 15-21.
5. Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 13.09.2018 по делу № 2-51/18 // Консультант плюс: справочно-правовая система.
6. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 04.10.2019 по делу № 2-025/19. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/kn1bcXwVnoJQ/> (дата обращения: 01.10.2024).
7. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 26.09.2019 по делу № 2-15/19. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/cywSKYIcq1oW/> (дата обращения: 01.10.2024).
8. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 19.09.2019 по делу № 2-29/19. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/yhQeiV7qbxUX/> (дата обращения: 01.10.2024).

9. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22.05.2019 по делу № 2-9/2018 // Консультант плюс: справочно-правовая система.

10. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 17.09.2019 по делу № 2-39Ж/19. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/ouHRWsu83ZQj/> (дата обращения: 01.11.2024).

11. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 15.10.2019 по делу № 2-55Ж/19. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/pY6mkUQHdL5Q/> (дата обращения: 01.11.2024).

12. Апелляционное постановление № 22К-200/2019 от 26.04.2019 по делу № 22К-200/2019. Практика Магаданского областного суда. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/6AJwLJ8pF6gR/> (дата обращения: 01.11.2024).

13. Апелляционное постановление Оренбургского областного суда от 28.02.2024 по делу № 22-379/2024. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/1aV3MgfQFzbC/> (дата обращения: 11.11.2024).

14. Апелляционное постановление Челябинского областного суда от 28.02.2024 по делу № 10-1313/2024. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/TfKznGCMnroP/> (дата обращения: 11.11.2024).

15. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Консультант плюс: справочно-правовая система.

16. Артемьев Г.В. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации// Право: современные тенденции: матер. IV Междунар. науч. конф. (г. Краснодар, февраль 2017 г.). Краснодар: Новация, 2017. С. 6-8.

17. Архипова М.В. Убийство: уголовно-правовая и криминологическая характеристика / под ред. М. В. Архипова и др. Иркутск: Байкальский государственный университет экономики и права, 2008. 171 с.

18. Бастен И.С. Решения Конституционного Суда РФ как источник права // Вестник ЧелГУ. 2002. № 1. С. 23-26.

19. Белкин А.А. Вопросы юридической силы решений Конституционного Суда РФ // Вестник Конституционного Суда России. 1997. №2. С.21-24.
20. Беляева О.М. Толкование норм права // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2007. №6. С. 39-47.
21. Бибик О.Н. Источники уголовного права Российской Федерации: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Омск. 2005. 228 с.
22. Бирюкова Л.Г. Правовые позиции Конституционного Суда РФ как источник права: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004. 25 л.
23. Богданова Н.А. Конституционный Суд Российской Федерации в системе конституционного права // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1997. № 3.
24. Богдановская И.Ю. Прецедентное право. М. : Наука, 1993. 239 с.
25. Бодров С.Ю. Судебный прецедент в системе источников российского права: вопросы теории и практики: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004. 24 л.
26. Бредихин А.Л. Судебная практика как источник российского права // Теория и практика социогуманитарных наук. 2023. № 1 (21). С. 102-106.
27. Васьковский Е.В. Руководство к толкованию и применению законов: для начинающих юристов. М.: Издание Братьев Башмаковых, 1913. 158 с.
28. Венгеров А.Б. О прецеденте толкования правовой нормы // Ученые записки ВИИИСЗ. Вып.б. М., 1966. С. 3-19.
29. Волкова М.В. О юридической силе решений Европейского Суда по права человека // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2010. № 1. С. 124-129.
30. Волосюк П.В. Значение решений Европейского Суда по правам человека в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2007. 25 л.

31. Ворошилова С.В. Правовой статус обвиняемого по судебным уставам 1864 года // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 2 (103). С. 20-25.

32. ВС объяснил, когда аферисту не вменяется использование служебных полномочий. URL: <https://alrf.ru/news/vs-obyasnil-kogda-aferistu-ne-vmenuyaetsya-ispolzovanie-služhebnykh-polnomochiy/> (дата обращения: 29.11.2024).

33. ВС объяснил, когда нельзя признать ущерб от кражи значительным. URL: https://rapsinews.ru/judicial_analyst/20220721_308151413.html (дата обращения: 29.11.2024).

34. Гаджиев Г.А. Феномен судебного прецедента в России // Судебная практика как источник права. М.: Юрист, 2000. С.98-106.

35. Гаджиев Г.А., Пепеляев С.Г. Предприниматель - налогоплательщик - государство. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по юридическим специальностям. М.: ФБК-ПРЕСС, 1998. 592 с.

36. Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М. : Центр ЮрИнфоР, 2001. 316 с.

37. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 26.10.2024) // Консультант плюс: справочно-правовая система.

38. Гук П.А. Судебное толкование и применение норм законодательства // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. 2016. № 2 (38). С. 35-43

39. Дело «Бабурин (Baburin) против Российской Федерации» (жалоба № 55520/00: Постановление Европейского Суда по правам человека от 24.03.2005. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=12849&dst=4294967295&> (дата обращения: 01.11.2024).

40. Дело «Безымянная (Bezymyannaya) против Российской Федерации» (жалоба № 21851/03): Постановление Европейского Суда по правам человека от 22.12.2009. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12077701/> (дата обращения: 01.11.2024).

41. Дело «Евгений Гусев (Yevgeniy Gusev) против Российской Федерации» (жалоба № 28020/05): Постановление Европейского Суда по правам человека от 05.12.2013 // Российская хроника Европейского суда. Приложение к Бюллетеню Европейского суда по правам человека. Специальный выпуск. 2014. № 2. С. 119-134.

42. Дело «И.У. и другие против России» (жалоба №48917/15): Постановление Европейского Суда по правам человека от 10.01.2017. URL: <https://genproc.gov.ru/upload/iblock/a8d/48917.pdf> (дата обращения: 01.11.2024).

43. Дело «Кумицкий и другие (Kumitskiy and Others) против Российской Федерации» (жалоба № 66215/12 и четыре другие): Постановление Европейского Суда по правам человека от 10.07.2018 // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2019. № 2.

44. Дело «Носко и Нефедов (Nosko and Nefedov) против Российской Федерации» (жалобы № 5753/09 и 11789/10): Постановление Европейского Суда по правам человека от 30.10.2014 // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2015. № 4.

45. Дело Банникова (Bannikova) против Российской Федерации (Жалоба № 18757/06): Постановление Европейского Суда по правам человека от 04.11.2010. URL: <https://minjust.ru/ru/press/news/bannikova-bannikova-protiv-rossiyskoj-federacii-zhaloba-no-1875706> (дата обращения: 01.11.2024).

46. Дело Худобин (Khudobin) против Российской Федерации (жалоба № 59696/00): Постановление Европейского Суда по правам человека от 26.10.2006 // Консультант плюс: справочно-правовая система.

47. Демидов В.В. О роли и значении постановлений Пленума Верховного Суда РФ. URL: <https://www.vsrp.ru/files/11552/> (дата обращения: 11.11.2024).

48. Демченко Г.В. Судебный прецедент: [диссертация]. Варшава: тип. Варш. учеб. окр., 1903. №3. URL: <http://books.e-heritage.ru/book/10078325> (дата обращения: 11.05.2024).

49. Дорохова А.Б. Роль судебного прецедента в правовой системе (сравнительно-правовой анализ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 25 л.

50. Елисеев С.А. Преступления против собственности по УК РСФСР 1922 г // Сибирский юридический вестник. 2004. № 1. С. 26-29.

51. Елифанова Е.В. Аналогия в уголовном праве: история и современность // Актуальные проблемы экономики и права. 2008. № 1 (5). С. 113-117.

52. Жуйков В.М. К вопросу о судебной практике как источнике права / Судебная практика как источник права. М., 1997. С. 16-23 // URL: <http://lawlibrary.ru/article1112084.htm> (дата обращения: 13.11.2024).

53. Жучкова Е.В. Правовые позиции Конституционного Суда РФ по вопросам уголовного права и уголовного процесса: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2009. 25 с.

54. Загоскин Н.П. История права Московского государства. История центрального управления в Московском государстве. По изданию 1879 года (Известия и ученые записки Казанского университета). URL: <https://allpravo.ru> (дата обращения: 05.05.2024).

55. Зорькин В.Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда РФ // Журнал российского права. 2004. № 2. С. 3-9.

56. Иванов С.А. Соотношение закона и подзаконного нормативного правового акта Российской Федерации. М.: Народный учитель, 2002. 186 с.

57. Казакова П.В. Проблемы исполнения решений Конституционного Суда РФ // Право, наука, образование: традиции и перспективы. Саратов :

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». 2016. С. 366-367.

58. Карханина Л.В. Характеристика Уставной книги Разбойного приказа // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2014. № 3 (18). С. 20-21.

59. Кауфман М.А. Пробелы в уголовном праве и способы их преодоления: автореф. дис. ... д-ра юридич. наук. М., 2009. 51 с.

60. Коваленко Д.С. Применение уголовного закона по аналогии: запрет или панацея // Молодой ученый. 2023. № 16 (463). С. 191-194.

61. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08 марта 2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Консультант плюс: справочно-правовая система.

62. Кокотов А.Н. Исполнение решений Конституционного Суда РФ // Журнал российского права. 2013. № 5. С. 90-100.

63. Колесников Е.А. Постановления конституционных судов как источник российского конституционного права // Правоведение. 2001. № 2. С. 32-53.

64. Количество обращений в Конституционный Суд Российской Федерации по годам URL: https://www.ksrf.ru/ru/Petition/Pages/Statistic_year.aspx (дата обращения: 12.11.2024).

65. Конвенция о защите прав человека и основных свобод: заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004, вместе с «Протоколом № 1» (подписан в г. Париже 20.03.1952), «Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), «Протоколом № 7» (подписан в г. Страсбурге 22.11.1984) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

66. Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс: учеб. пособие / Н.В. Витрук. 3-е изд., перераб. и доп. - М. : Норма: ИНФРА-М, 2010. 592 с.

67. Конституционное право России. Учебный курс : учеб. пособие : в 2 т. / под ред. С.А. Авакьян. 5-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2014. 864 с.

68. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 07.10.1977, ред. от 14.03.1990) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1977. № 41. Ст. 617.

69. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с учетом поправок, от 04.10.2022 № 5-ФКЗ, от 04.10.2022 № 6-ФКЗ, от 04.10.2022 № 7-ФКЗ, от 04.10.2022 № 8-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2022. № 41. ст. 6933.

70. Коробеев А.И. Простое убийство и сложности его квалификации // Уголовное право. 2001. № 2. С. 16-19.

71. Кукушкин А.А. Правовая позиция конституционного Суда РФ: сущность, юридические признаки и процессуальные формы // Актуальные проблемы российского права. 2009. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-pozitsiya-konstitutsionnogo-suda-rf-suschnost-yuridicheskie-priznaki-i-protsessualnye-formy> (дата обращения: 18.09.2024).

72. Кучин М.В. Прецедентное право Европейского Суда по правам человека. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2004. 481 с.

73. Липкина Н.Н. Правовая природа позиций Европейского Суда по правам человека // Право. Законодательство. Личность. 2015. № 2. С. 55-58.

74. Лукашук И.И. Международное право. Общая часть: учебник для студентов юрид. фак. и вузов / под ред. И.И. Лукашук. 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Волтерс Клувер, 2005. Сер. «Библиотека студента». 432 с.

75. Малько А.В., Матузов Н.И. Теория государства и права: учебник / И.И. Матузов, А.В. Малько. - М. : Юрист, 2004. 512 с.

76. Маркарян С.А. Совершение преступления по мотиву кровной мести // Бизнес в законе. 2014. №5. С. 81-83.

77. Масленникова С.В. Конституционный Суд российской Федерации: природа, толкование и правовые позиции // Судебная власть в России. Роль судебной практики: учебное пособие. М. : Изд-во ГУ ВШЭ, 2002. С. 23-39.

78. Международное право. Учебник для вузов. Ответственные редакторы - проф. Г.В. Игнатенко и проф. О.И. Тиунов. - М. : Издательская группа НОРМА-ИНФРА-М, 1999. 584 с.

79. Михалева Н.В. Судебная практика судов общей юрисдикции как источник права (роль судебных постановлений по конкретным делам и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ в формировании и обеспечении единства судебной практики) // Судебная практика как источник права. М. : Юрист. 2000. С. 131-149.

80. Морозов Б.П. Правоприменительное толкование уголовного закона: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2008. 29 с.

81. Мухаев Р.Т. Политология: учебник для студентов юридических и гуманитарных факультетов. М.: «ПРИОР», 2000. 400 с.

82. Наумов А.В. Практика применения Уголовного кодекса Российской Федерации: Комментарий судебной практики и доктринальное толкование / под ред. Г.М. Резника. М.: Волтерс Клувер, 2005. 926 с.

83. Неймар В.Е. Убийство в целях использования органов или тканей потерпевшего (п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ): выпускная квалификационная работа бакалавра. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2016. 60 с.

84. Нерсисянц В.С. У российских судов нет правотворческих полномочий // Судебная практика как источник права. М. : Юрист. 2000. С. 107-112.

85. Нешатаева Т.Н. К вопросу об источниках права - судебном прецеденте и доктрине // Судебная практика как источник права. М.: Юрист. 2000. С. 91-97.

86. О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. (ред. от 25.08.1924, вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.): Постановление Всероссийского центрального исполнительного комитета от 01.06.1922 // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.

87. О Верховном Суде Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 № 3 (ред. от 14.07.2022) // Консультант плюс: справочно-правовая система.

88. О вершении дел по Уложению, а не по новоуказным статьям: Именной указ от 15.06.1714 // Законодательство Петра I. С. 749. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/335495-o-vershenii-del-po-ulozheniyu-a-ne-po-novoukazny-statyam-imennoy-ukaz-iyunya-15-dnya-1714-goda> (дата обращения: 03.05.2024).

89. О конституционном суде Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 №1 (ред. от 31.07.2023) // Консультант плюс: справочно-правовая система.

90. О международных договорах Российской Федерации: Федеральный закон от 15.07.1995 № 101 // Консультант плюс: справочно-правовая система.

91. О Народном Суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Положение): Декрет Всероссийского центрального исполнительного комитета от 30.11.1918 // Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 85. Ст. 889.

92. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 №1 (ред. от ред. от 03.11.2016) // Консультант плюс: справочно-правовая система.

93. О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов РСФСР 1960

года: Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 10.06.1961 № 4 // Консультант плюс: справочно-правовая система.

94. О порядке досрочного снятия поражения в правах в отношении лиц, отбывших основную меру наказания и подлежащих по своему возрасту призыву или мобилизации: Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 07.01.1943 №1 М/1/у. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=254666&p=11> (дата обращения: 24.06.2024).

95. О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах: Указ от 23.03.1714. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/inherit.htm> (дата обращения: 30.05.2024).

96. О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.04.2007 №14 // Консультант плюс: справочно-правовая система.

97. О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы: Федеральный закон от 28.02.2023 № 43-ФЗ // Консультант плюс: справочно-правовая система.

98. О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 21// Консультант плюс: справочно-правовая система.

99. О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней: Федеральный закон от 30.03.1998 № 54 // Консультант плюс: справочно-правовая система.

100. О судах общей юрисдикции в Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 07.02.2011 № 1 // Консультант плюс: справочно-правовая система.

101. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 15.12.2022) // Консультант плюс: справочно-правовая система.

102. О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 № 32 (ред. от 26.02.2019) // Консультант плюс: справочно-правовая система.

103. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (ред. от 15.12.2022) // Консультант плюс: справочно-правовая система.

104. О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 №18 // Консультант плюс: справочно-правовая система.

105. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 №14 // Консультант плюс: справочно-правовая система

106. О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.03.2002 № 5 (ред. от 11.06.2019) // Консультант плюс: справочно-правовая система.

107. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ): Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015) // Консультант плюс: справочно-правовая система.

108. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 (ред. от 28.10.2021) // Консультант плюс: справочно-правовая система.

109. О судебной системе Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 №1 (ред. от 16.04.2022 с изм. и доп., вступ. в силу 01.01.2023) // Консультант плюс: справочно-правовая система.

110. О судебном приговоре: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 // Консультант плюс: справочно-правовая система.

111. О судеустройстве РСФСР: Закон РСФСР от 08.07.1981 // Консультант плюс: справочно-правовая система.

112. О хранении прав гражданских, о невершении дел против регламентов, о невыписывании в докладе что уже напечатано и о имении сего указа во всех судных местах на столе, под опасением штрафа: Именной указ от 17.04.1722 // Гарант: справочно-правовая система.

113. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 259 (ред. от 25.10.2024) // Консультант плюс: справочно-правовая система.

114. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 №323 (ред. от 08.08.2024, с изм. от 26.09.2024) // Консультант плюс: справочно-правовая система.

115. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Синчина Дмитрия Ивановича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 286 Уголовного кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 30.05.2024 № 1426-О. URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision765579.pdf> (дата обращения: 11.11.2024).

116. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Комар Марины Владимировны на нарушение ее конституционных прав частью первой¹ статьи 205¹ Уголовного кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 18.07.2024 № 2048-О // Консультант плюс: справочно-правовая система.

117. Ображиев К.В. Судебный прецедент в уголовном праве России // Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2002. 144 с.

118. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. Л.И. Скворцова. 28-е изд., перераб. М.: ООО «Издательство «Мир и образование»: ООО «Издательство Оникс», 2012. 1375 с.

119. Определение Верховного Суда РФ от 04.10.2019 по делу № А56-112192/2018. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/VzasI5aMAqgt/> (дата обращения: 01.11.2024).

120. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 31.01.2013 по делу № 2-48/07 // Консультант плюс: справочно-правовая система.

121. Пирмаев Е.В. Судебное толкование: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Пенза, 2019. 30 с.

122. Плаксина Т.А. Социальные основания квалифицирующих убийство обстоятельств и их юридическое выражение в признаках состава преступления: автореф. дис ... д-ра юрид. наук. Томск, 2006. 46 с.

123. По делу о проверке конституционности положений статей 82 и 240 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и ряда иных его статей в связи с жалобой гражданина В.Г. Скотникова: Постановление Конституционного Суда РФ от 19.06.2023 № 33-П // Консультант плюс: справочно-правовая система.

124. По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350

Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы: Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П // Консультант плюс: справочно-правовая система.

125. По делу о проверке конституционности положений статьи 199 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.Н. Алганова: Постановление Конституционного Суда РФ от 09.07.2019 № 27-П // Консультант плюс: справочно-правовая система.

126. По делу о проверке конституционности положений частей первой, третьей и девятой статьи 115, пункта 2 части первой статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Недвижимость-М», общества с ограниченной ответственностью «Соломатинское хлебоприемное предприятие» и гражданки Л.И. Костаревой»: Постановление Конституционного Суда РФ от 31.01.2011 №1-П // Консультант плюс: справочно-правовая система.

127. По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации, части 4 статьи 4.5, части 1 статьи 16.2 и части 2 статьи 27.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами граждан В.В. Баталова, Л.Н. Валуевой, З.Я. Ганиевой, О.А. Красной и И.В. Эпова: Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2008 № 8-П // Консультант плюс: справочно-правовая система.

128. По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян: Постановление Конституционного Суда РФ от 13.07.2010 № 15-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2008. № 4.

129. По делу о проверке конституционности пункта 2 примечаний к статье 264 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ивановского областного суда: Постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.2018 № 17-П // Консультант плюс: справочно-правовая система.

130. По делу о проверке конституционности пункта 7 части второй статьи 29, части четвертой статьи 165 и части первой статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан А.В. Баляна, М.С. Дзюбы и других: Постановление Конституционного Суда РФ от 17.12.2015 №33-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2016. № 2.

131. По делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 1, частей первой, третьей и четвертой статьи 35 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.В. Лушникова, А.С. Пушкарева и И.С. Пушкарева: Постановление Конституционного Суда РФ от 09.11.2018 № 39-П // Собрание законодательства РФ. 2018. № 47. Ст. 7316.

132. По делу о проверке конституционности части первой статьи 137 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина П.О. Вильке: Постановление Конституционного Суда РФ от 18.01.2024 №2-П/2024. URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision730575.pdf> (дата обращения: 11.11.2024).

133. По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации: Постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.1998 № 19-П // Консультант плюс: справочно-правовая система

134. По существу жалобы № 30395/04 «Авакова (Avakova) против Российской Федерации»: Постановление Европейского Суда по правам человека от 22.06.2006. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=34931&dst=4294967295&> (дата обращения: 01.11.2024).

135. Подлеснова Т.М. Правовой анализ преступлений, связанных с участием в религиозных сектах // Вестник науки. 2023. Т. 2. № 2(59). С. 121-129.

136. Постановление № 44У-104/2017 4У-1640/2017 от 05.07.2017 по делу № 1-658/16. Практика Президиума Свердловского областного суда. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/EuQDKIanSwgO/> (дата обращения: 21.09.2024).

137. Пресняков А.Е. Княжное право в древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М.: Наука, 1993. 642 с.

138. Приговор № 1-11/2019 1-218/2018 от 29.04.2019 по делу № 1-11/2019. Практика Баймакского районного суда Республики Башкортостан. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/oFLkitTfLg15/> (дата обращения: 21.09.2024).

139. Приговор № 1-23/2019 1-441/2018 от 25.04.2019 по делу № 1-23/2019. Практика Центрального районного суда г. Кемерово. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/MxMT4xGuKa11/> (дата обращения: 21.09.2024).

140. Приговор № 1-40/2014 от 29.08.2014 по делу № 1-40/2014. Практика Кимовского городского суда Тульской области. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/WvpdbROlpc5t/> (дата обращения: 21.09.2024).

141. Приговор № 1-46/2018 от 23.05.2018 по делу № 1-46/2018. Практика Бaleyского городского суда Забайкальского края. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/lQuoh3yXveo1/> (дата обращения: 21.09.2024).

142. Приговор № 1-59/2019 1-597/2018 от 13.02.2019 по делу № 1-59/2019. Практика Ленинского районного суда г. Челябинска. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/pN5J0T3O9FH1/> (дата обращения: 21.09.2024).

143. Приговор от 23.04.2019 по делу № 1-77/2019. Практика Заднепровского районного суда г. Смоленска. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/QMh5uvBeqWU4//> (дата обращения: 01.11.2024).

144. Приговор по делу об убийстве, рассмотренному с участием присяжных заседателей, изменен: действия осужденного переквалифицированы с п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ на ч. 1 ст. 105 УК РФ, так как присяжными заседателями не установлено, что осужденный, приняв

предложение совершить убийство, осознавал, что второй участник преступления признает и разделяет обычай кровной мести и намеревается лишить жизни потерпевшего именно по мотиву кровной мести: Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 26.09.2007 № 299-П07 // Консультант плюс: справочно-правовая система.

145. Прохорова Е.А. Судебный прецедент как источник уголовно-процессуального права Российской Федерации // Вопросы совершенствования правоохранительной деятельности органов внутренних дел: Межвузовский сборник научных трудов адъюнктов и соискателей: Часть II. М.: Московский университет МВД России. 2002. С.21-25.

146. Пудовочкин Ю.Е. Источники уголовного права Российской Федерации // Журнал российского права. 2003. №5. С.64-75.

147. Рарог А.И. Об обязательности разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 5. С. 104-112.

148. Решняк М.Г. О соотношении постановлений Пленума Верховного Суда РФ и Уголовного кодекса Российской Федерации // Современное право. 2016. № 5. С. 75-77.

149. Рублев А.Г. Значение судебного толкования уголовного закона в современном российском уголовном праве / А.Г. Рублев, С.Н. Савраскин // Вопросы судебной деятельности и правоприменения в современных условиях: Сборник статей по результатам II Международной научно-практической конференции, посвященной празднованию 10-летней годовщины воссоединения Крыма с Российской Федерацией. Симферополь : ООО «Издательство Типография «Ариал», 2024. С. 352-359.

150. Ругина О.А. Европейский суд по правам человека и влияние его решений на российскую судебную практику // Казанская наука. 2011. № 8. С. 204-206.

151. Ругина О.А. Судебное толкование уголовного закона и его роль в законотворческой и правоприменительной деятельности: автореф. дис... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. 33 с.

152. Рудяк В.В. Уголовная ответственность за убийство, совершенное по мотиву кровной мести: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2005. 24 с.

153. Руководящие начала по уголовному праву Р.С.Ф.С.Р.: Постановление Наркомюста РСФСР от 12.12.1919 // Собрание узаконений РСФСР. 1919. № 66. Ст. 590.

154. Рябченко А.Г., Руденко К.И. Политика московского государства в сфере уголовного судопроизводства во второй половине XV-XVII вв. // Общество и право. 2013. № 3. С. 26-28.

155. Савельева О.А. Роль судебного толкования в применении уголовного закона: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 181 с.

156. Свод законов Российской империи. Издание 1832 года. Т. 1. Ч. 1. СПб., 1832. URL: <http://музейреформ.рф/node/13651> (дата обращения: 11.05.2024).

157. Свод законов Российской империи: в 16 т. / под ред. И.Д. Мордухай-Болтовского. URL: <http://civil.consultant.ru/code/> (дата обращения: 11.05.2024).

158. Сидоренко М.В. К вопросу о правовых позициях Конституционного Суда РФ в контексте определенности системы уголовно-процессуального права // Право, наука, образование: традиции и перспективы. Саратов : ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». 2016. С. 387-388.

159. Ситникова А.И. Оконченное и неоконченное посягательство на жизнь мнимо беременной женщины // Российский следователь. 2007. № 14. С. 16-17.

160. Смирнов А.С. О юридической силе постановлений пленума Верховного Суда РФ // Отечественная юриспруденция. 2016. №12(14). С. 7-9.

161. Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 года: издание Историко-Филологического факультета Императорского Московского университета. М: Печатня А.М. Снегиревой, 1907. 196 с. URL: <https://www.prilib.ru/item/446288> (дата обращения: 02.05.2024).

162. Солостовская Я.В. Особенности толкования конституционных норм конституционными судами // Право, наука, образование: традиции и перспективы. Саратов: ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». 2016. С. 388-389.

163. Статистика уголовных преступлений за 2018 год. URL: - <http://stat.xn-7sbqk8achja.xn--plai/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 17.11.2024).

164. Степанов К.А. О роли и значении постановлений КС РФ в трудовом праве // Вопросы российской юстиции. 2022. № 17. С. 498-504.

165. Султанов А.Р. Постановления Европейского Суда по правам человека в гражданском процессе Российской Федерации: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Казань, 2022. 383 с.

166. Танцерева А.А. Применение судебного прецедента при разрешении экономических споров: автореферат магистерской работы. Саратов: Саратовский национальный исследовательский государственный институт имени Н.Г. Чернышевского, 2018. 15 с.

167. Тарасова В.В. Акты судебного толкования правовых норм: Юридическая природа и классификация / под ред. М.И. Байтина. – Саратов : Изд-во Саратов. гос. академии права, 2002. 152 с.

168. Теория государства и права: учебник / В.Л. Кулапов, А.В. Малько. - М. : Норма: ИНФРА-М, 2023. 384 с.

169. Томсинов В.А. Всем должно хранить интерес государев и государственной: Петр I как законодатель // Законодательство Петра I. 1696-1725 годы / сост., автор предисловия и вступительной статьи В.А. Томсинов. М. : Зерцало, 2014. С. XVIII-XLVII.

170. Туркина Д.А. Решения Конституционного Суда Российской Федерации как источник права // Вопросы российской юстиции. 2023. № 28. С. 49-53.

171. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // Консультант плюс: справочно-правовая система.

172. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63 (ред. от 06.04.2024) // Консультант плюс: справочно-правовая система.

173. Уголовный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 года // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.

174. Устав уголовного судопроизводства от 20.11.1864. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> (дата обращения: 11.05.2024).

175. Фидаров В.В. Пределы допустимости применения института аналогии права и аналогии закона в правовой системе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. 23 с.

176. Химичева О.В., Андреев А.В. Роль Устава уголовного судопроизводства 1864 года в становлении института привлечения в качестве обвиняемого // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 3. С. 109-111.

177. Хлопов И.Е. Критический анализ постановления конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-п // *Juvenis scientia*. 2016. № 2. С. 172-175.

178. Холопов А.В. Методика расследования ритуальных убийств: учебное пособие / под ред. А.В. Холопов. Ч. I. - СПб. : Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры РФ, 2005. 52 с.

179. Хропанюк В.Н. Теория государства и права. Учебник для высших учебных заведений / Под редакцией профессора В.Г. Стрекозова. – М. : Издательство «Интерстиль», «Омега-Л», 2008. 384 с.

180. Царегородцева Е.И. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации как источник права // Вопросы устойчивого развития общества. 2022. № 7. С. 604-607.
181. Черданцев А.Ф. Толкование права и договора: Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 021100 «Юриспруденция». М. : Юнити, 2003. 381 с.
182. Черепанова Е.В. Уголовное право в годы Великой Отечественной войны: основные тенденции развития // Журнал российского права. 2010. №10 (166). С. 139-145.
183. Черепенникова Ю.С. Пробелы в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации и способы их восполнения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 26 с.
184. Черчага Д.А. К вопросу об убийстве, совершенном по мотиву кровной мести // Модернизация российского общества и образования: новые экономические ориентиры, стратегии управления, вопросы правоприменения и подготовки кадров. Таганрог: Таганрогский институт управления и экономики, 2024. С. 399-400.
185. Чиркин В.Е. Международное, наднациональное и конституционное право: прямые и обратные связи / В.Е. Чиркин // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2014. № 6. С. 35-61.
186. Шалфеев Н.П. Об Уставной книге Разбойного приказа. СПб, 1868. 76 с.
187. Шаргородский М.Д. Толкование уголовного закона / Проф. М.Д. Шаргородский // Ученые записки. Серия юридических наук: № 106 Выпуск 1 / Ленинградский государственный университет. Институт экономики, философии и права. Л., 1948. С. 278-331.
188. Яковлева Л.В. Судебный прецедент в уголовно-процессуальном праве (дискуссионные вопросы) // Юрист-правовед. 2001. № 2. С. 57-62.

189. Bennion F. A. R. Statutory interpretation / F. A. R. Bennion. – London : Buterworths, 1990. 1579 p.
190. Cross R. Statutory interpretation / R. Cross, J. Bell, G. Engle. – 3rd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2006. 211 p.
191. Maxwell P.B. On the interpretation of statutes. London : Sweet and Maxwell Ltd., 1875. 458 p.
192. Stimson S. The American revolution in the law. Princeton : Princeton University Press, 1990. 228 p.
193. Wood G. The creation of the American republic, 1776-1787. Chapel Hill : The University of North Carolina Press, 1969. 653 p.